

СЕЛИНА КАТРИН

★ АКАДЕМИЯ ★
КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА
**ПОГРАНИЧНЫЙ
ФИЛИАЛ**

Селина Катрин

Академия Космического Флота: Пограничный филиал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70281094

SelfPub; 2024

Аннотация

Уже несколько лет я работаю официанткой в две смены, чтобы скопить на свою мечту, но вынуждена отдавать всю зарплату мачехе. В один прекрасный день всё меняется, когда на планету прилетает делегация от Космического Флота для набора абитуриентов. Как и следовало ожидать, мне отказали в поступлении в престижный главный филиал, но предложили место в пограничном, на задворках Федерации, где не ловит инфосеть и происходят постоянные магнитные бури. Не знаю, что не так с этим местом, но я обязательно во всём разберусь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Кафе «Услада»	8
Глава 2. Голубой квиток	29
Глава 3. Тестирование	59
Глава 4. Кадет или уборщица?	77
Глава 5. Джакузи	93
Глава 6. Соло	102
Глава 7. Кадеты	107
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Селина Катрин

Академия

Космического Флота:

Пограничный филиал

Пролог

– Вивьен Виардо, сожалею, но вы не подходите для Академии Космического Флота.

Вот так разбиваются мечты. Сердце пропустило удар, язык разбух и онемел, словно варёный пельмешек, пальцы мелко задрожали. Слова оглушили, как маска с хлороформом. Ну вот, теперь всё встало на свои места. Как любит выражаться Гардения, я отброс и никому не нужна. Вообще никому.

– Не подхожу? Это из-за... – Сглотнула слюну и всё-таки произнесла вслух: – ...Моей особенности, да?

Смуглая женщина в тёмно-синем кителе с золотой офицерской нашивкой рассеянно посмотрела на меня.

– Особенности?

Острая горечь обожгла гортань. Офицер, ещё и издевает-

ся? Хочет, чтобы я сказала всё как есть?

– Это из-за моих многочисленных шрамов, ведь так?

– А-а-а... Вы про врождённый дефект кожных покровов, – произнесла майор так громко, что мне захотелось втянуть голову в плечи. Вокруг было слишком много столов с такими же соискателями, как я. Женщина в военной форме зашуршала электронной бумагой. – Нет-нет, у вас просто весьма низкие физические показатели, да и знание теоретических дисциплин хромает. Хотя... – Она задумчиво зависла над одним из листочков. Моё сердце замерло. – Ваши тесты на объём лёгких и устойчивость к перегрузкам очень хороши. Вы, наверное, замечательно плаваете?

– Плаваю? – переспросила растерянно. Нет, она точно издевается. – На Захране нет водоёмов, в которых плавание было бы безопасно для здоровья...

– Ах, ну да, точно. – Женщина поморщилась так, будто надкусила незрелый лимон. – Тогда нет, вы всё же не подходите для Космофлота.

– Совсем-совсем?

Я бы хотела, чтоб мои слова прозвучали не настолько жалобно, но, увы...

– Вивьен, давайте начистоту. Я сама с Танорга, и, когда поступала в Академию, мои баллы были куда выше ваших. Однако первые годы обучения дались мне очень и очень тяжело. Не уверена, что вы справитесь. Конечно, есть ещё один вариант... Могу походатайствовать, чтобы вас распредели-

ли в пограничный филиал Академии, который располагается на необитаемой планете на задворках Вселенной. Там тяжёлая атмосфера, постоянные магнитные бури, нарушена инфосвязь с Федерацией. Подумайте сами, оно вам надо? Не лучше ли остаться на Захране? Да, здесь, конечно, далеко не рай, но с каждым годом ситуация меняется к лучшему. Вон орбиту смогли расчистить, космическое и информационное сообщение с мирами Федераций настроить, поставки продовольствия наладить.

– Надо! *Мне оно надо!!* – импульсивно выкрикнула я, сжимая кулаки и чувствуя, как к глазам подступают слёзы.

«Надо, потому что в Академии платят стипендию и это будут исключительно мои кредиты. Так что рано или поздно смогу отложить деньги на операцию и замену кожу на ногах на искусственную – гладкую и очень красивую. Надо, потому что мне осточертело жить на Захране и ежедневно выслушивать упрёки от мачехи и напоминания о том, какая я никчёмная уродка. Просто надо, и всё!»

Эта речь крутилась у меня в голове, но произнести её вслух постеснялась. Слишком стыдно признаваться в таком. Очень, очень стыдно.

Взгляд строгой женщины неожиданно смягчился. Она тронула меня за рукав.

– Скажите, Вивьен, вы хотите в Академию потому, что считаете, что плохо *здесь*, или потому, что думаете, что будет хорошо *там*?

— Я... я не знаю, — пробормотала удивлённо, вытирая глаза тыльной стороной ладони. Нет, я не расплакалась, но была невероятно близка к этому. — А есть разница?

— Ещё какая, — кивнула майор Клинтс. — Давайте так: я поставлю вас в лист ожидания. Ближайший рейсовый лайнер приземлится завтра вечером за чертой города, на площадке, что граничит со свалкой андроидов и прочей техники. Если вы всё-таки решите, что Академия — это то, что вам надо, и согласитесь на пограничный филиал, то приходите. Но учтите, Академия не исполняет мечты и даже не гарантирует дальнейшую службу в Космофлоте. Это всего лишь учебное заведение.

Глава 1. Кафе «Услада»

Тремя днями ранее

Поясницу нещадно ломило из-за того, что весь день провела в неудобной обуви. Тугой пучок волос хотелось распустить ещё днём, а фартук с узкой, давящей на шею полоской дешёвого пластика – просто сжечь. Как же я устала... Как хочется взять выходной и элементарно выспаться. Но нельзя.

– Вивьен, ау! Ты что, спишь на ходу?! – зашептала на ухо Джина. – Сейчас придёт старый пихряк, проверит, как мы работаем, и лишит тебя чаевых, если увидит, что ты зеваешь. Иди вон обслужи столик номер семь. Посмотри, какие там симпатичные ребята! Может, и на чай оставят.

Машинально обернулась. Четверо парней сидели за прямоугольным столом на полосатых диванчиках, обтянутых искусственной кожей. Двое с одной стороны и двое напротив. Чуть более физически развитые, чем большинство посетителей нашего заведения, и да, они действительно имели очень приятный внешний вид: ухоженные руки, гладко выбритые лица, явно уложенные гелем волосы. С другой стороны, имея врождённые дефекты, я любого захухрю, даже с самой заурядной внешностью, считала красивым. Ну и, конечно же, невозможно было не обратить внимание на синие кители гостей с характерными золотыми звёздами на груди.

– Кадеты Космического Флота, – с придыханием произ-

несла подруга, мечтательно поднимая взгляд к потолку. – Ох, они, наверное, особенные, раз смогли пройти столь строгий отбор!

Демонстративно фыркнула и – то ли из чистого упрямства, то ли из-за накопившейся за смену колоссальной усталости – ответила:

– Если они тебе симпатичны, иди и сама прими у них заказ. Я еле передвигаюсь на этих ходулях.

Джина грустно вздохнула и махнула воняющей дезинфектором синтетической губкой. На упаковке совершенно точно было написано, что предмет относится к классу одноразовых и должен быть утилизирован после использования, однако в руках подруги я видела эту губку уже раз третий как минимум.

– Да я бы с радостью, но Бельмешев сказал, что если не успею навести порядок на всей стойке к его приходу, то он меня уволит. И по камерам проверит, сделала ли это я или кто-нибудь другой. Зря, наверное, в его кофе плюнула.

Рассеянно кивнула в ответ. Казимир Бельмешев мог и не такое устроить. Официальный оклад разносчицы еды в забегаловке с претенциозным названием «Улада» составлял прожиточный минимум – восемнадцать с половиной кредитов. Изначально, когда меня брали на работу, владелец кафе сообщил, что большую часть заработка составляет не та сумма, что прописана в договоре трудового найма, а чаевые. В принципе, я знала, на что подписываюсь, и морально бы-

ла готова к тому, что придётся очень много бегать на каблучках и улыбаться клиентам за гроши. Но когда в первый же месяц меня лишили основной части дополнительного заработка из-за того, что я якобы разбила крышку от заварника, это выбило из колеи. С официальной зарплатой Бельмешев подобное сделать не мог, а вот с чаевыми – легко.

Компания космофлотовцев что-то шумно обсуждала, не обращая на нас внимания. Решила, что пара минут у меня всё-таки есть, и впервые за день присела на край стула. Заодно, шипя, скинула правую туфлю и не удивилась, обнаружив в районе ахиллова сухожилия вздувшуюся водяную мозоль. Поморщилась. Шварх, а ведь ещё и до дома надо будет как-то доковылять...

– На, держи пластырь, – с сочувствием произнесла Джина, подавая кусочек искусственного каучука телесного цвета. – Последний. Без антисептика, но всё же лучше, чем ничего.

Благодарно кивнула напарнице и занялась ступнёй.

– Вот думаю, может, послать к швархам эту неблагодарную работу и уволиться?

Подруга посмотрела скептически.

– Ага, ещё скажи, что тебе сделали особо выгодное предложение в другом месте! Даже на эту, как ты выразилась, «неблагодарную работу» есть целая очередь из желающих. Скажи спасибо, что тебя приняли.

– Спасибо, – пробурчала угрюмо, выкинула обёртку от пластыря и направилась к парням, которые уже периодически

ски оглядывались в поисках официантки.

– Ва-а-у-вау, какая красotka! – присвистнул один из них, окидывая меня придирчивым взглядом с головы до ног.

Внутренне скривилась, но послушно растянула губы в приветливой улыбке. Никакая я не красotka. Форма официанток «Услады» была ещё одним пунктом, за который в душе ненавидела эту работу. В юбке чувствовала себя неуютно, а потому всегда надевала под неё плотные легинсы. Сколько бы Казимир Бельмешев ни пытался добиться, чтобы я надела хотя бы простые телесные колготки, каждый день исправно приходила на работу в чёрных легинсах. Но и в них двигалась, как правило, угловато. Боялась, что если свет от диодов упадет под прямым углом, то посетители разглядят ужасные шрамы на моей коже даже через плотную ткань.

Бельмешев недовольно крикнул, когда впервые увидел, что я хожу в юбке, словно новорождённый жеребец, неловко перебирающий копытами. Однако увольнять не стал, лишь хмуро сообщил, что у разных мужчин разные вкусы. Несколько раз пыталась объяснить начальнику, что не случится никакой катастрофы, если я буду носить на работе штаны, но он был со мной в корне не согласен. По его мнению, молодежь, да и люди постарше, заходила к нам именно за атмосферой, а откровенно дрянной кофе, впрочем, как и горелая яичница, на отток посетителей не влиял.

– Добрый день, приветствую вас в «Усладе». Что желаете? – выдала заученную фразу, не обращая внимания на то,

как пристально кадеты изучают мою фигуру, в том числе и ступни, закованные в высоченные, неудобные туфли.

Переступила с ноги на ногу, чувствуя себя некомфортно под перекрёстным огнём взглядов. Если бы только шпильки были огромными, а ведь ещё и колодка слишком узкая и подъём стопы высокий. Кошмар.

– Да вот желаю пригласить столь симпатичную крошку на свидание. Что делаешь сегодня вечером? Не хочешь провести время с настоящим мужчиной? – Сидящий ближе остальных ко мне ослепительно улыбнулся и невзначай потрогал золотую звезду на форме Космофлота.

Ну да, этому блондину посчастливилось вырваться с Захрана. Он здесь в увольнительной, навещает родственников и друзей, а затем соберёт шмотки и улетит обратно в космос.

– Спать. Сегодня вечером я буду спать, – ответила грубее, чем хотела, но тут же вновь напустила на себя безразличный вид. – Итак, вы определились с тем, что будете заказывать?

Как же ноют ступни! Эти парни думают, что их флирт доставляет мне удовольствие, но на деле каждая секунда, проведённая в рабочей обуви, делает меня всё более похожей на злого гориллома, не нашедшего себе самку для спаривания в брачный период.

– А? – На лице юноши промелькнуло полнейшее разочарование.

Не сомневаюсь, такие симпатичные молодые люди, да ещё и кадеты, привыкли, что стоит лишь пальчиком поманить к

себе любую девушку, как та с визгом бросится им на шею.

– Четыре медовых рафа и четыре бургера с картошкой фри. Один с диетической котлетой, пожалуйста, – вклинился в разговор брюнет, сидящий напротив словоохотливого товарища.

– Медовых рафов нет, есть только с сиропом... – начала было я, но темноволосый не дал мне договорить.

– Давайте эти.

– Сироп просроченный, а молоко порошковое. Не рекомендую.

– А что же тогда посоветуете? – Брюнет удивлённо приподнял брови.

– Простой эспresso. Он невкусный, но им хотя бы не отравись.

– Ладно, – усмехнулся гость. – Принесите четыре эспresso.

Кивнула, записала заказ стилусом в наладонник и отправила его на кухню.

– Соус к картошке фри нужен?

– Да, сырный, пожалуйста, – вежливо ответил кадет.

Стоя спиной к камере, скорчила гримасу, намекая, что сырный соус тоже лучше не брать. Камеры писали без звука, но вот за гримасничанье Казимир легко мог лишить меня премии. Глаза парня насмешливо блеснули.

– Хотя нет, я, пожалуй, передумал. Давайте лучше старый добрый химозный кетчуп из гидропонных помидоров.

Повторила заказ и вернулась к Джине. Подруга тем временем уже вовсю пыхтела, оттирая ножки стойки.

– И как они? Пригласил тебя кто-нибудь на свидание? – Глаза девушки загорелись любопытным блеском.

– Думаю, наши посетители ничем не отличаются от других молодых людей, что живут на Захране, – произнесла я, пожимая плечами.

– Да ты что! – возмутилась напарница. От избытка чувств она даже бросила протирать стойку, швырнув грязную губку прямо на столешницу. – Это же кадеты Академии Космического Флота, а туда абы кого не берут! Они самые умные и сильные ребята во всей Федерации!

Досадливо поморщилась. От пропитанной дешёвым дезинфектором губки исходил прямо-таки тошнотворный запах. Так и хотелось предложить подруге, чтобы та прошлась по поверхности столешницы стерилизующей антибактерицидной лампой. Но я прекрасно понимала: Казимир тот ещё противный тип! Обязательно пересмотрит записи с камеры и придерётся к увиденному.

– Вот здесь пятно пропущено.

Указала пальцем на грязно-коричневый развод на столешнице и, меняя тему, продолжила:

– Мне всё-таки кажется, что надо искать другую работу.

– Ну и куда ты пойдёшь? Разве у тебя есть приличное образование? Думаешь, возьмут хоть где-нибудь просто так? Вивьен, очнись! «Услада» – лучшее, что могло с тобой про-

изойти! – Она понизила голос. – Здесь ты получаешь чаевые, которые официально не внесены в трудовой договор, и можешь оставлять их себе, а не отдавать мачехе! Где ещё найдёшь такую замечательную подработку?

Джина смотрела на меня широко распахнутыми глазами. На её лице отражались искренность и лёгкое недоумение. Она действительно верила в то, о чём говорила. – Здесь можно завтракать и обедать, а если Казимир зазеваётся, то даже прихватить что-нибудь с собой домой на ужин. Бутилированную воду, импортированные фрукты или мясо он, конечно, не разрешает пробовать, но макароны или кашу – пожалуйста.

Губка на столешнице продолжала отвратительно вонять. Где-то неподалёку за столиком кадетов раздался очередной свист, а за ним последовал взрыв хохота, в котором уже можно было различить и женский голос. Видимо, не дождавшись от скромной официантки должного восхищения своей персоной, блондин решил найти кого поговорчивее среди посетительниц «Услады».

Ноги гудели, пластырь, кажется, отклеился, и водяная мозоль всё-таки лопнула. Меня замутило.

– Эй, Ви! – из состояния заторможенности меня вырвал звучный голос нашего повара. – Всё готово. Долго тебя ждать? Иди, отнеси гостям еду.

Ничего не отвечая Джине, молча поставила на поднос четыре чашки эспresso, три тарелки с бургерами и ещё одну

взяла в левую руку – целиком заказ не помещался.

«Сейчас обслужу седьмой столик, закрою счёт, и можно будет пойти домой. Уже пятнадцать часов на каблуках... Как же я устала...»

Подошла к шумной компании молодых людей, которые на этот раз, занятые беседой с представительницей прекрасного пола, не обратили на меня никакого внимания, и принялась расставлять тарелки.

– Пикси завалил на спарринге! За три минуты! – рассказывал блондин какой-то девушке, усадив её подле себя.

– Что, правда? – восторженно захлопала длинными ресницами девица.

– Вот такой приём сделал! – Оратор взмахнул рукой. Миг – и как в замедленной съёмке я вижу, что это движение по касательной задевает последнюю чашку с кофе. Тёмно-коричневая жидкость выплескивается на пол, щедро обрызгивает мой фартук и пространство вокруг, осколки с оглушительным звоном разлетаются по полу, выложенному квадратной плиткой.

На мгновение в кафе воцарилась тишина. На кухне очнулся от спящего режима и загудел штатный робот-уборщик.

– Ой, – произнёс парень, всё-таки обратив на меня внимание, а затем оттолкнул девицу, что сидела рядом с ним, и вскочил на ноги. – Шварх! Я из-за тебя форму испачкал! Смотри, пятно на манжете!

«Вообще-то не из-за меня, а из-за себя, хвастун», – так и

вертелось у меня на языке. В этот момент девушка испуганной пташкой выпорхнула из-за столика, несильно задев меня плечом. Всё бы ничего, но как раз в эту секунду я из-за больной мозоли переносила вес на другую ногу и никак не ожидала, что меня толкнут.

Мир покачнулся – и я пребольно брякнулась на попу, кажется отбив себе копчик. В ладони впились крошечные осколки разбитой чашки. Уи-и-и, как же больно-то! Из глаз непроизвольно брызнули слёзы. Юбка задралась, каблук сломался, несколько осколков разорвали легинсы ближе к лодыжкам. В ту секунду, когда думала, что хуже уже ничего быть не может, старенький робот зашуршал своими гусеницами и принялся старательно размазывать коричневые пятна по полу и на моем пластиковом фартуке.

Ребята притихли. Никто не спешил подать мне руку и помочь подняться, но и о том, что я испортила кому-то форму, тоже уже не вопили. Очевидно, впечатлились моим грандиозным падением и ещё не определились, как вести себя дальше.

Прежде чем я, кряхтя, успела встать с пола, входная дверь забегаловки прокрутилась и внутрь вошёл Казимир Бельмешев. Тучный мужчина осмотрелся по сторонам и остановил разъярённый, не предвещающий ничего хорошего взгляд на мне. Определённо, сегодня не мой день.

– Вивьен! Неуклюжая антилопа! – прорычал этот боров. – Быстро на кухню!

Я сняла ненавистную обувь, выкинула в утилизатор единственные легинсы и начала промывать ссадины, стараясь всхлипывать не очень громко. Уговаривала себя не думать о случившемся: о том, как унизительно орал на меня Казимир, о том, что я напрасно рассчитывала на чаевые в этом месяце; о том, как всё несправедливо в моей жизни.

Вода с характерным рыжеватым окрасом текла из кра-на очень тоненькой струйкой. Приходилось складывать руки лодочкой и ждать, пока наберётся горсть. Это и раздража-ло, и удивительным образом успокаивало. Позади скрипнула дверь. Джина протиснулась сквозь небольшую щёлку внутрь туалетной комнаты.

– Вив, я принесла твои штаны из гардеробной ячейки. По-думала, – она мельком бросила взгляд на мои ноги, прику-сила губу и тут же отвернулась, – что они не будут лишними.

– Спасибо, – кивнула благодарно, – положи на крышку унитаза. У меня руки в крови, боюсь, испачкаю.

Подруга, отходя, зашуршала тканью униформы.

– Вив, слушай, ну не всё ж так плохо, а? – произнесла де-вушка. – С работы тебя не уволили, зарплата осталась преж-ней, а стоимость разбитой посуды Бельмешев, по его словам, будет постепенно вычитать из чаевых...

– Мою зарплату получает мачеха, – жёстко прервала рас-суждения вечно оптимистично настроенной Джины. – С тех пор как Захран вошёл в Федерацию Объединённых Миров,

возраст совершеннолетия сместился до двадцати одного года. Мне только-только исполнилось девятнадцать, и я по закону нахожусь под опекой. Ещё как минимум два года придётся до седьмого пота вкалывать официанткой, а зарплата при этом будет поступать на банковский счёт, который тут же опустошается Гарденией! И самое поганое, я не уверена, что и потом мачеха не придумает нечто такое, чтобы заставить содержать её... Я работаю с четырнадцати лет, Джина, с четырнадцати! И что имею? Ни-че-го... У меня даже собственной одежды и зубных капп нет! Абсолютно всё принадлежит опекунке! А что до разбитой посуды, ты прекрасно видела, что то была не моя вина, а этого... этого... аг-р-р-р...

Махнула рукой и сосредоточилась, чтобы набрать новую горсть ржавой воды из-под крана.

О том, что за пять лет работы у меня так и не получилось отложить даже несколько сотен кредитов, чтобы сделать себе операцию по замене кожи, говорить не стала. Это была моя мечта, которой, видимо, не суждено исполниться.

Брызнула водой на ободранную коленку и зашипела от пронзившей боли. Джина с сочувствием передала мне рулон туалетной бумаги, чтобы я промокнула ссадину.

– А что ты предлагаешь, Вив? – тихо спросила подруга. – Какие у тебя планы?

– Не знаю, – пробормотала раздражённо. С помощью туалетной бумаги всё-таки удалось остановить кровь. Теперь я размышляла, как бы аккуратнее надеть штаны. – В крайнем

случае сбегу из дома.

– А толку? Уверена, что Гардения не из тех, кто будет сидеть сложа руки. Она мигом подаст заявление в Планетарную Полицию. При первой проверке документов тебя поймают и отправят домой, да ещё и штраф вкатят, который тебе же и придётся отрабатывать...

Морщась от болезненных ощущений, я с трудом натянула одну штанину и принялась за другую. Джина продолжала изучать моё отражение в зеркале. Напарница уселась на крышку унитаза и подобрала под себя ноги, демонстрируя прямо-таки королевскую осанку. Не знаю почему, но то ли необычно спокойная поза девушки, то ли немой вопрос в её взгляде окончательно вывели меня из себя.

– Не знаю, Джина! – взорвалась я. – Не представляю, что делать. Нет у меня никакого плана! Может, вообще с планеты убегу.

Собеседница выразительно подняла русую бровь.

– Вивьен, ты прекрасно знаешь: чтобы выбраться с Захрана и устроиться хоть куда-нибудь, нужно как минимум высшее образование, которое стоит очень больших денег. А в Академию Космофлота ты не поступишь...

«... потому что где ты, а где Академия», – мысленно закончила за подругу.

– Всё, с меня хватит нотаций, – произнесла, застёгивая штаны и надевая кроссовки вместо адской обуви. – Я пошла домой. Спать. Увидимся в следующую смену.

– Погоди! – Джина метнулась куда-то за дверь и почти сразу же вернулась, чтобы всучить мне увесистый свёрток. Сразу же даже не поняла, что это такое, пока девушка не пояснила: – Там Пыльник. У него не получилось убрать пол, бедняга только размазал кофе по плитке. Видимо, стал совсем старенький. Казимир пришёл в такую ярость, что приказал тебе выкинуть робота... В общем, вот.

Машинально взяла свёрток в руку и, только сделав пару шагов из туалетной комнаты, поняла, какую подлянку устроил мне шеф. Разумеется! Выкидывать таких объёмных и тяжёлых роботов в мешки с бытовым мусором запрещалось. С тех пор как космическое пространство Захрана стали старательно очищать от всевозможного мусора, и на самой поверхности к утилизации отходов относились с очень большим вниманием. За выброс автоматического пылесоса не на свалку электроприборов, а в ближайший бак бытовых отходов любому захухре назначался внушительный штраф. Конечно же, по закону подлости ближайшая специализированная помойка находилась аж в семи километрах от «Услады», за чертой города. Шва-а-арх!

Чертыхаясь и на чём свет стоит понося Бельмешева, удобнее устроила «подарочек» под мышкой и медленным шагом направилась к дому, решив, что выкину робота тогда, когда буду в состоянии преодолеть эти семь километров.

Шла медленно, стараясь несильно наступать на израненную стопу. Ночной Захран оглушил яркими билбордами,

привычной духотой, пронзительными сигналами флаеров и гравибайков, запахами выхлопных газов и серым небом, на котором не было видно ни единой звезды. За последние пять лет орбита Захрана стала существенно чище. Моя родина больше не считалась планетой с синдромом Кесслера, и на неё теперь могли достаточно свободно приземляться корабли Федерации. Однако это никак не способствовало решению других проблем Захрана. Все так же присутствовал парниковый эффект; обширные территории были заражены радиацией; а питьевая вода имелась в ничтожно малых объемах.

Из динамика на фонарном столбе заиграла музыка, а затем её прервал голос диктора:

– Дорогие жители Захрана, спешим сообщить последние радостные новости! На этой неделе было уничтожено пятьсот кубометров радиоактивного мусора, а также очищено триста пятнадцать тонн воды. Наши старшие братья и сёстры с Танорга на следующей неделе пришлют лайнер с новыми роботами, которые будут заниматься фильтрацией воздуха от выхлопных газов...

Проходя мимо трёхуровневой автозаправочной, я на миг переключила внимание на двух мужчин, что заливали бензин в старенький аэрокар, почему-то запаркованный на земле, а не на электрогидравлической платформе.

– Может, всё-таки топливо класса «Г»? – спросил один из них.

– А, мне и это сойдёт, – махнул рукой второй. – Оно все же на полкредита дешевле.

Наручный коммуникатор мигнул сообщением, отвлекая меня от разговора незнакомцев.

«Вивьен Виардо, по трудовому договору 76902-54 на ваш личный счёт поступило три кредита».

Три кредита за пятнадцать часов, проведённых в беготне на каблуках, адской работе на кухне и помощи Джине. Это сообщение выглядело как настоящее издевательство. Для того чтобы скопить полную сумму на операцию, мне потребуется работать три года и при этом не тратить ни единого кредита больше ни на что. Я узнавала: чтобы сделать пересадку кожи, необходимо как минимум две с половиной тысячи кредитов. Восемьсот стоит билет на лайнер до ближайшей хорошей клиники на Миттарии и тысячу семьсот – сама операция. Плюс пребывание в течение нескольких дней в больнице.

Наручный коммуникатор вновь провибрировал.

«Ваш опекун снял три кредита с вашего личного счёта. Текущий баланс составляет ноль кредитов».

С раздражением выключила экран устройства и тряхнула запястьем. Внутри поднималась буря гнева. Гардения за крайне редким исключением никогда и ничего мне не оставляла.

За углом показался высокий, монолитный серый дом. Всё так же медленно добрела до обшарпанного подъезда, под-

нялась на вонючем лифте на свой этаж и, приложив руку к идентификационному сканеру, отворила дверь в квартиру.

В прихожей сильно пахло жареной рыбой. Желудок моментально спазмировался, напоминая, что сегодня так и не удалось поужинать.

– Я вернулась! – крикнула в сторону кухни и начала неспешно разуваться.

Высокая сухопарая женщина в длинном шёлковом кимоно торжественно выплыла из соседней комнаты. Густые тёмные волосы были уложены в несколько кос, заплетённых короной вокруг головы, на лице красовалась зелёная маска из глины и водорослей, под глазами наклеены гидрогелевые патчи по кредиту за штуку. Гардения практически всё свободное время занималась собственной внешностью и, стоило отдать ей должное, весьма преуспела в сих «праведных» трудах. Для жительницы Захрана она выглядела гораздо моложе своих лет.

– Всего три кредита за сутки! Фу, Вивьен, какой позор! Ты совсем ни на что не годна! Когда я договаривалась с мистером Бельмешевым, чтобы он взял тебя на работу, рассчитывала, что ты будешь приносить хотя бы пять или семь! Похоже, ты даже не способна быть более-менее сносной официанткой! И зачем только мы позволяем тебе жить с нами?

Сглотнула противный ком, резко вставший в горле. Формально Гардения действительно являлась владелицей квартиры и могла выгнать меня из дома. Но на деле она не работа-

ла ни дня в своей жизни, а потому представлялось очень сомнительным, что бездельница откажется от статуса опекуны и выгонит падчерицу, которая содержит её. Обычно на такие выпады я молчала, но падение в кафетерии, порванные легинсы, вопли Казимира изничтожили остатки душевного равновесия.

– Это квартира моего отца, и я имею такое же право жить здесь, как и вы с Хлоей.

Удивлению мачехи, казалось, не было границ. Её глаза чуть не вывалились из орбит, и она даже поднесла руки к лицу, чтобы проверить, не слетели ли патчи. При этом воззрилась она на меня с таким видом, как будто хотела убедиться, что эту фразу действительно произнесла я, а не кто-то другой, неведь какими путями забредший в нашу прихожую.

– Вивьен, с каждым годом твой характер становится всё гаже и гаже. – Губы Гардении презрительно изогнулись. – Конечно, подруги предупреждали меня, что не стоит растить ребёнка мужа от другой женщины, всё равно из такого уродца не вырастет ничего путного...

Почему-то когда опекунша заговорила о моей внешности, меня неизменно начинало внутренне лихорадить. Да, мои ноги ужасны, но я в этом не виновата. И так всю жизнь ношу плотные штаны, чтобы никто ничего не увидел. Я обхватила себя руками за плечи.

– Я не уродина, – пробормотала, пытаясь убедить в этом скорее себя, чем мачеху. – Шрамы можно свести. Существу-

ют технологии...

– Да ты себя слышишь? – громко фыркнула мегера. – У тебя все нижние конечности покрыты, – она демонстративно скривилась, – этой мерзостью. Там не кожа, а сплошные рытвины. Фу! Да кому ты нужна такая? Чтобы исправить столь ужасное недоразумение, нужны новые ноги, но тогда ты превратишься ещё и в мутанта. Я уж не говорю о бешеном количестве кредитов, которое понадобится для операции. Где ты возьмёшь деньги, Вивьен?

Гардения провокационно улыбнулась, уткнув руки в бока. Меня уже трясло от негодования.

– Если бы вы не снимали со счёта заработанные мною кредиты, то я бы, может, уже и скопила необходимую сумму!

– Скопила? Ты всё-таки копишь?! Откладываешь чаевые?! – Глаза женщины сузились, и она вмиг оказалась позади меня, пребольно вцепившись в мои волосы. – Говори! Где деньги?! Где ты их хранишь?

– Нигде!

– Довольно, неблагодарная дрянь! – зашипела мачеха мне на ухо. – Подумай наконец о своей сестре! О Хлое! Ей нужны натуральные витамины и средства, чтобы хорошо выглядеть и удачно выйти замуж. Ведь тебя всё равно никто не возьмёт! Отвечай, где оставшиеся деньги!

Одной рукой опекунша продолжала держать меня за волосы, а второй залезла в карман куртки. Я сжала челюсти, стараясь не расплакаться от второго за день унижения. Именно

в этот момент в холле появилась единокровная сестра. Разница между нами составляла три года, но в свои шестнадцать Хлоя выглядела гораздо крупнее меня. Большое круглое лицо, оплывшая талия, пухлые щёки, складочка жира, что образовывалась аккурат в том месте, где заканчивались джинсы. Но при этом у девушки были огромные выразительные глаза и густые волосы. И кожа, разумеется, отличалась чистотой и гладкостью.

– О, а Вивьен уже дома? – удивилась сестра.

Гардения мигом оставила в покое мой многострадальный скальп и широко улыбнулась своей любимице.

– Да, представляешь, уже вернулась, – невероятно нежным голосом пропела притворщица. – Хлоюшка, я же просила тебя не надевать эти джинсы. Ты куда собралась в таком виде?

– Завтра в школу в них пойду, мам, – пожала плечами девочка.

– Даже в школу не стоит одеваться так, – покачала головой Гардения. – Завтра в иллюзионах выходит новый фильм. Я договорилась с соседкой, чтобы её сын пригласил тебя на свидание. Возьми лучше чип, сходи в магазин за новым платьем для себя и сделай маникюр.

– Ой! – Хлоя подпрыгнула на месте, хлопнув в ладоши. – Новое платье! Это я люблю! А можно Вивьен пойдёт со мной?

После пятнадцатичасовой смены и с водяными мозолями

на ступнях мне меньше всего на свете хотелось идти с сестрой в торговый центр, чтобы выбирать ей платье. Я уже прикрыла глаза, ожидая «наказания» от мачехи за то, что у меня нет при себе чаевых, но неожиданно услышала:

– Нет, Вивьен ещё надо сходить на свалку и выбросить мусор. К тому же представь, что случится, если она тоже вздумает примерить новое платье. Да весь магазин сбежится посмотреть на её уродства, а потом пойдут разговоры, что ты по отцу сестра «той самой страшили». Оно тебе надо?

Хлоя стояла в холле, хмуря лоб и обдумывая слова своей матушки, а Гардения тем временем незаметно толкнула меня в спину.

– Иди займись работой по дому. И не забудь про мусор. У нас морозильная камера сломалась, надо отнести её на специализированную свалку.

– Но у меня нет денег на аэротакси.

Я взглянула на мачеху, ожидая, что та всё-таки вернёт на мой счёт хотя бы полтора кредита.

Однако мои ожидания не оправдались. Гардения деловито фыркнула:

– Вот ещё. Я точно знаю, что у тебя есть чаевые. Ты здесь живёшь и должна платить за утилизацию мусора наравне с нами. Довезёшь морозильник до свалки на свои сэкономленные.

Глава 2. Голубой квиток

Натёртые до мозолей ступни адски болели, жёлтое пятно на небосводе, именуемое солнцем, припекало даже через плотную занавесь облаков. Я с трудом переставляла ноги в стоптанных кроссовках и думала о том, как неистово ненавижу мачеху. Бессильная злость клокотала в сердце, ядовитыми парами проникая в лёгкие и мешая дышать. Или это так сильно воняло на улице от подержанных аэрокаров?

– Два года, Вивьен, всего два года – и ты будешь свободна, – пробормотала вполголоса и со злостью пнула мелкий камешек, лежащий на сером растрескавшемся асфальте.

Камешек весело подпрыгнул и отлетел на добрый десяток метров вперёд. Я любила так играть сама с собой, притворяясь, будто под ногами на самом деле мяч и я даю пас кому-то.

– Ты самой себе-то веришь? – возразила внутреннему голосу. – Ну исполнится тебе двадцать один, и что поменяется? Гардения не сможет официально обдирать тебя, снимая кредиты прямо со счёта, но она продолжит заниматься вымогательством, требуя оплату за жильё, электричество и очищенную воду. Вон уже сейчас сказала, что я должна платить за утилизацию мусора. Можно подумать, будто кто-то ещё вносит деньги на семейный счёт Виардо...

Дойдя до жёлто-коричневого камешка, пнула его снова.

– Если Хлоя выйдет замуж за богатого молодого человека,

то, возможно, Гардения отстанет от меня и даст наконец заработать на операцию. Из магазина напротив выбежала стайка моих ровесниц в коротких шортиках и юбках. Красивые ножки замелькали перед глазами. Девушки весело смеялись и с криками: «Скорее, скорее, вот опоздаем на аэробус, и директриса замечание в электронную зачётку вклеит» – бросились к остановке. Я проводила их тоскливым взглядом. Тоска грызла из-за всего: и оттого, что девчонки могут позволить себе в такое пекло ходить в короткой одежде, и оттого, что они спешат в колледж, а не как я – на работу.

С минуту стояла, уставившись на несчастный камушек под ногами, а потом вновь поддала его ногой. Он зазвенел, попав на металлическую решётку водостока, но неожиданно звон стих. В поле моего зрения попали ботинки из замши, длинные ноги в тёмно-синих брюках, такого же цвета китель, золотая звезда... Молодой человек с удивлением рассматривал каменный снаряд, который, судя по всему, прилетел ему прямо в голень. Я охнула, узнав того самого брюнета, что вчера вечером отдыхал в забегаловке «Услада». Захотелось зажмуриться и, развернувшись, сделать вид, что это не я. Вселенная! Как же стыдно мне было вчера перед кадетами, когда Казимир раскричался, назвав меня... впрочем, как он только меня не обзывал.

– Эй, постой! – Прежде чем я бросилась наутёк, брюнет поймал меня за рукав. – Как тебя?.. Кажется, на бейджике высвечивалось «Вивьен», да?

– Угу. – Нехотя кивнула, уставившись на мыски дорогих ботинок парня. Смотреть ему в лицо не осмеливалась.

– А меня зовут Марк Танеко. Будем знакомы.

Аккуратно пожала протянутую ладонь и кивнула:

– Вивьен Виардо. Прости, но мне надо на работу.

Брюнет улыбнулся, нагнулся за своим «камнем преткновения» и внезапно пошёл рядом, подстраиваясь под мой шаг.

– Я ведь на самом деле тебя искал, хотел извиниться за поведение друзей, – внезапно произнёс новый знакомый.

Снова кивнула, хотя в целом не видела причин, почему молодому человеку вдруг ни с того ни с сего приспичило извиняться передо мной. Случившееся спровоцировали чрезмерные эмоции блондина, да и девушка вспорхнула со своего места весьма не вовремя. В результате Бельмешев лишил меня чаевых на ближайший месяц, а то и два, и всё это из-за какой-то разбитой чашки. Разумеется, посудина не стояла и пары кредитов, но шеф наказал меня за то, что я так некрасиво разъехалась на каблуках перед гостями его дрянного кафе.

– На самом деле я не с Захрана, а с Танорга, – тем временем продолжал парень. Я даже замедлила шаг, вслушиваясь в слова спутника.

– Танорг... – выдохнула мечтательно. – Говорят, он очень чистый и зелёный.

– Это да-а-а, – улыбнулся юноша, – с Захраном не сравнить. А ещё у нас не бывает девушек-официанток.

– А кто же тогда обслуживает посетителей? – изумилась искренне. – Неужели одни парни?!

– Нет. – На этот раз Марк расхохотался, а мне подумалось, что он действительно очень симпатичный, особенно когда от улыбки у него проступают ямочки на щеках. – Роботы. Всю рутинную и грязную работу у нас делают роботы, а трудится маленький процент населения, и то лишь в том случае, если люди сами захотят.

– Звучит сказочно, – пробормотала в ответ. Настроение резко упало, говорить с новым знакомым расхотелось. Поэтому ускорила шаг, тем более что кособокая вывеска «Усилада» как раз вынырнула из-за угла.

Вдруг Марк схватил меня за руку и развернул к себе.

– Я, это... сразу не понял, что ты не любишь свою профессию, прости. Просто для меня всё здесь необычно. Хотел на самом деле вот что сказать. Если тебе не нравится работа, ты всегда можешь попробовать поступить в Академию Космического Флота. Там, кстати, и стипендию платят. Весьма неплохую, между прочим, если сдаешь экзамены на «отлично».

Вежливо улыбнулась в ответ.

– Спасибо, я подумаю.

– И девчонок берут, – продолжал Марк. – Имеются не только такие направления, где нужна голая сила. Вот у меня старший брат Натан Академию закончил, теперь работает атташе на Эльтоне, представляешь? Он у меня такой ум-

ный, с детства склонность к языкам проявлял, хотя в него никто и не верил. – Парень подкинул камушек в руках, сощурил левый глаз и поднёс находку близко-близко к правому. – Он любит говорить, что даже самый совершенный бриллиант когда-то был всего-навсего углеродом.

Снова покивала, думая про себя: «В том-то и дело, что алмазом может стать углерод, но никак не гранит или песчаная галька». Моего образования, скорее всего, не хватит даже на вступительные экзамены. Одиннадцать классов общегосударственной школы – и на этом всё. Гардения слушать не хотела о том, чтобы я попыталась поступить в колледж на бесплатное отделение. «Девушкам это ни к чему, только мозги засорять, – беспрекословно заявила она. – Иди на работу, начнёшь наконец-то приносить деньги в дом. Нам скоро кушать не на что будет, и так уже всё, что было дома, распродала, чтобы такую, как ты, неблагодарную тварь вырастить».

– У тебя, наверное, очень умный старший брат, – растянула губы в улыбке. – Но, знаешь, мне действительно пора. Смена вот-вот начнётся.

– А можно зайти к тебе в кафе вечером после работы? – неожиданно спросил Марк.

– Зачем? – изумлённо уставилась на собеседника.

– Ну-у-у... не знаю, в иллюзион ходим. Там, говорят, новый голофильм вышел, с крутыми спецэффектами...

Несколько секунд я смотрела на Марка с искренним непониманием, а затем тряхнула волосами и отрицательно пока-

чала головой.

– Спасибо, конечно, за приглашение, мне очень лестно. Но у меня сегодня двойная смена. Не смогу.

– А, ну ладно, – растерянно и, как мне почудилось, расстроенно пробормотал кадет.

– Помимо того, что косая и неуклюжая, ты ещё страдаешь провалами в памяти?! Вивьен, ты почему позволяешь себе отворачиваться, когда с тобой разговаривают?! – кричал, брызжа слюной, Казимир.

При этом двойной подбородок хозяина кафе сотрясался, точно просроченное и потёкшее от жары желе, а сам Бельмешев покраснел до такой степени, что казалось – его вот-вот поразит сердечный приступ. Шварх! Я так надеялась, когда придёт владелец «Услады», спрятаться в туалетной комнате и переждать обеденный перерыв там, но мне катастрофически не повезло. В кои-то веки Казимир явился раньше обычного.

Растерянно пробормотала:

– Так я поднос собираю, вы же сами велели обслужить столик номер два как можно скорее...

«Прекрати орать, умоляю, прекрати орать», – повторяла про себя как заклинание. Терпеть не могу, когда на меня кричат. Почему-то начинаю трястись как осиновый лист. Вот и сейчас – вроде бы никакой катастрофы не случилось, а руки ощутимо задрожали. Сахарница выпрыгнула из вспотев-

ших пальцев и лишь чудом не разбилась.

– Ты ещё и всю посуду перебить решила?! Ах ты, мелкая бесполезная дрянь! Учти, я не уволю тебя до тех пор, пока не покроешь мне все убытки! Джина! Иди обслужи второй столик!

Подруга мгновенно материализовалась на кухне, молча подхватила поднос и ловко поцокала с ним в зал. Казимир с лёгким неудовольствием проводил её взглядом, а затем вновь тяжело посмотрел на меня.

– Не знаю, что с тобой, Вивьен. Гардения очень просила взять тебя на работу, и лишь из глубокого уважения к ней я всё ещё держу тебя в «Усладе». Все твои обязанности – разносить уже приготовленные заказы по столикам, улыбаться гостям и крутить попой в мини-юбке. Всё! Не требую от тебя решения волновых уравнений, строительства дорожек на магнитной левитации и умения управлять истребителями на механической коробке передач. Проклятый астероид! Да тут даже недоразвитая дебилка справилась бы! Какого шварха ты припёрлась на работу в этих уродских штанах с накладными карманами а-ля «бомж с городской свалки»?! Когда вернусь к вечеру, чтобы на тебе была форменная юбка, или после отработки за разбитую посуду катись отсюда на все четыре стороны. Поняла?!

Угрюмо кивнула, закусив губу.

– Ты поняла?! Я не слышу! – взревел Казимир.

– Так точно, шеф.

Хозяин забежаловки вновь окинул меня критическим взглядом, гаркнул что-то сердитое повару и ушёл, громко хлопнув дверью. А я медленно опустилась на краешек стула, чувствуя, как в груди увядает последний росток надежды. В этой дыре у меня хотя бы был шанс откладывать чаевые... На любой другой работе не будет и такого. Непроизвольно всхлипнула, чувствуя подступающие к глазам слёзы.

– Эй-эй-эй... – Джина обняла меня сзади за плечи. Она уже успела вернуться из общего зала. – Ну подумай, накричал на тебя наш толстяк. На той неделе мне тоже досталось. Видимо, у него с утра плохое настроение, вот и сорвал его на тебе.

– Вообще не понимаю, в чём проблема, – неожиданно влезла в наш разговор Агафья, помешивая суп в кастрюле. – Девка молодая, красивая. Ну попросил тебя начальник надеть юбку вместо этих гм-м-м... – она бросила косой взгляд на мою одежду, – ...штанов. По мне, так платица на девицах лучше смотрятся. Эх, была бы я помоложе...

– Тш-ш-ш, Агафья, прекрати! – тут же зашипела на неё Джина. – Не видишь, что ли? Не может она юбку надеть. Не лезь со своими советами! – Обернувшись ко мне, напарница спросила уже совсем тихо: – В самом деле, ты чего форму-то не надела? Знаешь ведь, что этот пункт в трудовом договоре прописан...

Я снова всхлипнула.

– Последние легинсы вчера порвала... Думала, в штанах

тоже будет нормально. Повяжу фартук поверх, никто и не заметит. А с первых чаевых тут же куплю себе новые...

– Ох, – громко вздохнула Джина... – То есть весь этот полчасовой ор был из-за того, что у тебя не нашлось легинсов?

– Ну и Казимир ещё думает, что я просто упрямлюсь. Сейчас жарко, многие носят юбки и шорты просто так... – протянула, отворачиваясь и вспоминая стайку симпатичных девушек, что бежали с утра на аэробус.

На работе из всех коллег о моей проблеме знала лишь Джина. Не стала бы и ей рассказывать, если б напарница случайно не вошла в туалетную комнату именно в тот момент, когда я переодевалась.

– Давай одолжу тебе кредиты, а ты пойдёшь прямо сейчас в торговый центр и купишь себе необходимое, – вострепнулась девушка.

Отрицательно помотала головой.

– Нет, Джина, спасибо большое, не стоит. Ты ведь знаешь – я не смогу вернуть тебе долг. Ни в этом месяце, ни в следующем...

– Но как же?.. – Начавшая было шарить по карманам девушка вдруг замерла. – Он же тебя уволит!

– Пусть увольняет, – безразлично пожала плечами.

– Но... но... где ты найдёшь другую работу?

Вновь пожала плечами.

– Можно мусорщицей на свалку – сортировать отходы. Или уборщицей в офисный центр. Да мало ли куда, какая

разница?

– Но там везде только голый оклад, без чаевых! – всплеснула руками Джина. – Как же ты скопишь на операцию?!

Грустно посмотрела на подругу. Неужели она действительно ничего не понимает?

– Даже если звёзды сложатся в созвездия, Хлоя счастливо выйдет замуж, а у Гарденин будет настолько хорошее настроение, что она не возьмёт за моё пребывание в квартире отца ни гроша, заработанного мной всё равно будет мало. Пройдут годы, прежде чем смогу скопить на операцию. И даже если мне улыбнётся удача и я её всё-таки сделаю, это всё равно ничего не изменит. Я не получу образования и до конца жизни буду работать официанткой. В лучшем случае. Так какая, скажи мне, разница, смогу я при этом носить шорты или нет?

Джина потрясённо смотрела на меня, широко распахнув глаза, а я воспользовалась моментом и аккуратно выпуталась из её объятий.

– Что ж, пойду, пожалуй, – произнесла тихо, сняла с себя фартук и забрала из гардеробной ячейки свой рюкзак.

Не пришлось даже переобуваться. Ноги после вчерашней смены опухли так сильно, что я не смогла впихнуть их в адскую обувь на каблуках. Да и со спортивными штанами кроссовки смотрелись более гармонично. Попрощавшись со всеми коллегами, выскользнула на улицу, где, ничего не зная о моих бедах, сквозь толщу облаков улыбалось летнее солнце.

В целом лето на Захране несильно отличается от зимы. Как правило, зимой чаще идут дожди, и очень редко, обычно по ночам, можно вдохнуть воздух всем объёмом лёгких, не почувствовав при этом привкуса гари на языке. Вот, в общем-то, и все различия между этими двумя сезонами.

Задрав голову, посмотрела на многоуровневые трассы, по которым тарахтели старенькие индивидуальные аэрокары, отремонтированные каждый на свой лад, и длинные поезда на магнитных подушках, которые опасно скрипели, раскачиваясь из стороны в сторону, и то и дело задевали соседние ряды. Пролетающие мимо флаеры тут же тормозили, выкидывая в воздух хлопья серовато-охрового дыма, возмущённо моргали фарами и сигналили. Водители тех каров, у которых не работали гудки, демонстративно открывали крышу и начинали орать на управляющих поездами. Те в ответ, исполненные вселенской меланхолии, показывали им на пальцах одной руки неприличные знаки, удерживая второй рукой рычаг управления составом. Несмотря на откровенную нищету, царившую на Захране, жизнь здесь прямо-таки бурлила.

Глубоко вдохнула горячий воздух, в котором чётко ощущался запах выхлопных газов, горелой электропроводки и старой резины, и медленно двинулась куда глаза глядят. Асфальт в городской черте Захрана всегда считался территорией пешеходов. Конечно, тут периодически кто-то останавливался с чихающим и чадящим мотором, порой с верхних

уровней даже могло прилететь что-нибудь тяжёлое на голову, но в целом нулевой или, как многие его называли, наземный уровень считался самым безопасным. Именно поэтому я брела, особенно не обращая внимания на многочисленные звуки: рёв сирен, гудки клаксонов, механическое щёлканье откидных крыш, кудахтанье пешеходов и перебранку водителей.

Очнулась от своих мыслей, лишь когда в поле зрения попала табличка: «Городской парк искусств». Ноги сами собой привели меня в место, которое во всём городе считалось чуть ли не священным. Администрация давным-давно запретила полёты любой техники над так называемыми парками и последний год даже активно проталкивала законопроект, чтобы сделать вход на их территорию платным. Разумеется, большинство горожан с этим законом были не согласны, а потому приходили сюда в ярко-салатовых пластиковых плащах с гигантскими транспарантами: «Парки для всех!»

Обошла толпу бастующих, которые, рассевшись на асфальте, от безделья перебрасывались в кости.

– Эй-эй, аккуратнее, милочка! – гаркнул на меня какой-то мужчина, откашливаясь от дыма сигареты.

Кажется, я всё-таки нечаянно толкнула его.

– Простите, я не нарочно, – пискнула тоненько и мышкой прошмыгнула внутрь бетонной арки.

Голоса города звучали здесь более приглушенно, а моему взору предстали куцые клочки невзрачного газона в мас-

сивных каменных чашах, кособокие декоративные заборчики, облезлые кусты, громоздкие металлические инсталляции и искусственные деревья с кислотно-оранжевыми цветами на проволоках. Забавно, но самым зелёным пятном, которое встретилось мне во всём парке, были именно плащи бастующих.

Организм просил движения, чтобы сбросить накопившееся напряжение и стресс, и я долго и бесцельно гуляла вдоль по дорожкам. То тут, то там взгляд цеплялся за художественно сплавленные инсталляции. Изогнутый цветной металл сливался в какие-то абстрактные фигуры и формы. У центральной скульптуры в парке привычно замедлила шаг. Здесь все останавливались, прикрывали веки и восхищённо ахали: «Моргентер – великий скульптор!», «Какая красота! Истинный шедевр!», «Это корона авангарда». Я много раз пыталась понять загадку фигуры из сплава свинца, меди, железа, вольфрама и олова, но никак не могла найти в ней той самой «красоты», о которой говорили все вокруг. С одной стороны, эта скульптура напоминала мне двух слившихся, как сиамские близнецы, рогатых лошадей с общим торсом без задних ног, с другой – она представлялась мне гибридом оленя и медведя, с третьей – смотрелась как просто комок грубо переплавленных деталей техники. Одним словом – мусор. В общем, сколько бы ни вглядывалась, никак не могла уловить в этом металлоломе хоть какие-то признаки шедевра.

«Хотя, может быть, инсталляции-то как раз очень даже высокодуховные и глубоко концептуальные, а проблемы кроются на самом деле в тебе? – неожиданно зашептал внутренний голос. – В том, что ты сама уродина и не в состоянии замечать что-то действительно прекрасное?»

Свернула на боковую аллею и потрянула головой, стараясь отогнать неприятные мысли. Но вслед за ними ко мне, как всегда, пришла обида. Почему всё так несправедливо сложилось? Почему отец умер настолько рано, что я даже не помню его лица? Почему он доверил мою опеку Гардении? Почему, в конце концов, Захран вошёл в Федерацию Объединённых Миров и Аппарат Управления Планетой переработал добрую половину законов, передвинув в том числе возраст вступления в самостоятельную жизнь с восемнадцати на двадцать один год? Швархи бесхвостые, теперь даже не могу толком ответить на вопрос, совершеннолетняя я или нет. По старым законам – да, по новым – нет. Работать на Захране можно с четырнадцати, выходить замуж и употреблять спиртное – с восемнадцати. А вот опекунов продлили до двадцати одного года. Заразы!

Мимо, задев меня крылом, стремительно пронёсся наглый голубь. Он что-то громко прокурлыкал на своём птичьем языке и сел на кручёную нитку. Перевела взгляд на растяжку баннера и увидела там лицо хорошенькой улыбающейся блондинки. Ногти сами собой впились в ладони. Эту девушку на Захране знала каждая подзаборная собака. Ане-

стэйшу Радосскую восхваляли в каждом переулке, в каждом доме. Ещё бы! Она изменила мир, именно благодаря ей Федерация стала считаться с Захраном. Наверное, легко быть идолом для миллионов людей, когда твой отец – влиятельнейший из политиков, да ещё оставил тебе баснословное наследство. А ведь не будь этой блондинки, Гардения не смогла бы переоформить в свою пользу бумаги об опекунстве, чтобы забирать у меня последние копейки. Сжала кулаки ещё сильнее и покачала головой. Нет, Вивьен, так нельзя. Нельзя в своих бедах винить других людей. Эта красотка наверняка даже не знает о твоём существовании и уж точно не виновата в том, что ты родилась с такими ужасными ногами.

Впереди по усыпанной гравием дорожке, смеясь и подтрунивая друг над другом, пробежала влюблённая парочка. Молодые люди держались за руки и сильно размахивали ими. Вскоре, хихикая, они резко свернули с дорожки, чтобы спрятаться за толстым стволом искусственного дерева.

Хрустя всё тем же гравием, мимо прошёл мужчина в антрацитовом костюме. Он раздражённо наговаривал в коммуникатор на запястье: «...Да-да, всё понял, дорогая. Ну выкинь ты этого робота, раз он оказался таким некачественным. Я иду сейчас показывать клиентам квартиру в новостройке, прости, уже подхожу, не могу дольше говорить...»

Вдалеке взывала характерная сирена Планетарной Полиции.

Мир словно говорил мне: «Вивьен, ты здесь никто. Просто жалкая уродина, до которой никому нет дела. Ну потеряла сегодня работу и единственный шанс на осуществление мечты всей своей жизни, и что с того? Люди продолжают жить, влюбляться, работать и даже нарушать закон».

На глаза попало скучное одноэтажное здание. Обычно в нём проходили бесплатные выставки начинающих художников и скульпторов, в искусстве которых я ровным счётом ничегошеньки не понимала. Мне довелось побывать внутри всего два или три раза, когда я так же бесцельно гуляла по городскому парку, не желая возвращаться домой после тяжёлой смены. Каждый раз внутрь меня загонял начинающийся дождь. На Захране вообще погода менялась внезапно. Минуту назад ещё припекало солнце, а потом – оп! – и с неба капает что-то непонятное. В инфосети утверждали, что таковы последствия парникового эффекта.

Приблизилась к расписанной баллончиками стене и с любопытством заглянула в одно из окон. Обычно, попадая в этот дом из-за непогоды, была вынуждена строить умное лицо и блуждать, рассматривая экспонаты, в ожидании, когда дождь прекратится. Сейчас мне не хотелось изображать из себя тонкого ценителя искусства. Подошла ближе просто по наитию, по неведомой причине, которую толком не смогла бы выразить словами. Каково же было моё изумление, когда вместо привычно расставленных на подрамниках картин и причудливых экспонатов, изготовленных из синтетических

материалов, я увидела внутри ряды столов и множество людей в синей форме, а также небольшую группку молодёжи на входе. Быстро поискала взглядом вывеску (обычно где-то было написано, какой художник решил выставить на обозрение своё творчество) и нашла скромное объявление на входной двери: «Помещение временно арендовано Космофлотом». Всё.

Попятилась, чувствуя странное першение в горле, и чуть не подпрыгнула на месте, когда один из динамиков на здании вдруг ожил:

– Дорогие абитуриенты! Напоминаем вам, что осталось всего два дня, чтобы попытаться сдать вступительные экзамены в Академию Космического Флота. Пожалуйста, убедитесь, что вы правильно заполнили анкету и получили квиток с номером.

– Ай, аккуратнее! – раздалось позади чьё-то недовольное восклицание.

Резко обернулась. Как оказалось, пока динамики вещали, я попятилась и невольно наступила на ногу незнакомому парню. Тот демонстративно поморщился, встряхивая своей нижней конечностью.

– Смотри, куда идёшь, – буркнул молодой человек.

– Простите, я случайно... – пробормотала рассеянно, потому что мой взгляд сфокусировался на стопке голубых бумажек у него в руках.

– Случайно, случайно... Чтобы я ещё хоть когда-нибудь

вызвался отработать наказание на Захране! Все здесь какие-то пришибленные и... случайные. Случайно попытались стащить мой коммуникатор, случайно некая девица испортила мне китель мороженым, вот теперь другую ногу отдала...

– Эта первая с вами просто познакомиться хотела. У нас в кафе всегда так делают, – на автомате произнесла я.

– М-да? – Парень скептически поднял брови. – А я-то думал, что она решила мне дополнительную смену у майора выбить – за неподобающий вид формы...

Я усмехнулась.

– Так, – спохватился незнакомец, – в общем, вот тебе анкета, бросаешь в ту урну, валидируешь, квиток оставляешь себе. Там время автоматически проставляется, но в целом неважно, во сколько на испытания придёшь, всё равно всех проверят, желающих не так уж и много. Однако квиток нужен обязательно, он с данными анкеты в облаке синхронизируется.

– Что, простите?

Парень нахмурился, пытаясь всучить мне голубую бумагу.

– Ты же на тестирование? Абитуриент, так?

– Нет, – ответила искренне. – Просто мимо проходила!

– Ага-ага, тут каждый третий мимо проходит...

Что-то напрягало во внешности незнакомца. Подумаешь, длинные светлые волосы с бусинами на концах, острые скулы, широкие плечи. Вроде бы парень как парень, но...

– У вас значки вертикальные! – воскликнула внезапно, кажется перебив кадета. – Вы ларк?!

Конечно, я читала в инфосети о других расах Федерации, но одно дело – видеть картинку или голограмму, а совсем другое – встретиться с их представителем вживую!

– Ага, – юноша демонстративно закатил глаза, – ввиду того что Захран очень долго не контактировал с другими мирами Федераций и местное население очень суеверно и настроено... гм-м-м... несколько предвзято, сюда отправляют лишь таноржцев да ларков. В общем, тех, кто внешне больше всего похож на захухрей.

Я продолжала молча смотреть в удивительные глаза с радужкой необычного яблочного оттенка и думала о том, что не такие мы всё же разные... Хотя, конечно, конкретно этот ларк явно крупнее любого захухри его ровесника. Интересно, а у него действительно нюх и слух существенно лучше, чем у меня?

Где-то на краю сознания прозвучал тяжёлый вздох юноши, и тоненькая книжечка оказалась у меня в руках вместе с голубым листочком. Подскочила какая-то девушка и начала выпрашивать себе такой же. Парень отвернулся, я моргнула, скидывая наваждение. Посмотрела на маркетинговую брошюру с претенциозным названием «Почему Космофлот – это ваш шанс» и скептически хмыкнула. Мне хватило пары минут, чтобы по диагонали пролистать информационный буклет и уловить суть: «В Академию Космического Флота

берут лучших из лучших со всех планет, входящих в Федерацию Объединённых Миров». Нет, это точно не про меня. Несколько крупных капель упало на открытую страницу брошюры. Начинался дождь.

– Ну что, заполнять анкету будешь? – спросил ларк, вновь обращаясь ко мне.

Пожала плечами и вежливо ответила:

– Спасибо, я подумаю.

Парень хмыкнул.

– Давай так, я впишу в анкету твою фамилию – и всё. Если захочешь, вернёшься завтра, а на нет и космолёта нет.

Прежде чем успела ответить отказом, юноша ловко выудил бумажку из моих рук, щёлкнул стилусом, взявшимся как бы из ниоткуда, и затараторил:

– Имя?

– Вивьен.

– Фамилия?

– Виардо.

– Возраст?

– Девятнадцать лет.

– Та-а-а-ак, Вивьен Виардо, захухря, восемнадцать лет есть. Жаль, что не двадцать один... А, сойдёт, неважно. Остальные данные подтянутся из общей базы Аппарата Управления Планетой.

Под усиливающимся дождём ларк подошёл к огромной серо-голубой кабине, вставил в неё анкету. Шестерёнки в ур-

не зашуршали, поспешно зажёвывая листок, что-то загудело, пикнуло, на плоском табло высветился статус «Заявка принята», и золотоволосый протянул мне маленький квиток, на котором стояла завтрашняя дата и время: «08:00».

– Это тебе, – вполне дружелюбно улыбнулся ларк.

Ошарашенно кивнула, схватила квиточек, сунула его внутрь брошюры о Космофлоте и поспешила домой, одновременно набирая запрос на коммуникаторе, как долго продлится дождь. К сожалению, прогноз сообщал, что с той или иной интенсивностью осадки будут выпадать вплоть до середины ночи. Первые несколько сотен метров я пробежала, тщетно надеясь на то, что не промокну, а затем плюнула на это дело и пошла спокойным шагом. Всё равно у моей куртки не было непромокаемого капюшона, а у меня самой ни зонта, ни переносного купола.

В голове сумбурно крутились отрывки диалога с кадетом Космофлота. За последние пять лет, с тех пор как Захран официально справился с синдромом Кесслера и информационная изоляция пала, в планетарной инфосети появилось множество данных о других мирах Федерации. Однако после этого знаменательного события мало что изменилось. Люди продолжали работать на своих местах, никто особенно не рвался улететь с родины, а кто рвался – не мог сделать это в силу отсутствия хорошего образования и достаточных финансовых средств. Да и жизнь на родине, согласно новостным сводкам и активной пропаганде со стороны нового Ап-

парата Управления, становилась от года к году всё лучше. Лично меня вот эти темпы «от года к году» не устраивали. Наверное, единственным глобальным изменением, которое коснулось меня, стало обязательное изучение межгалактического языка в старших классах и колледжах и по желанию нескольких предметов, которые ранее не имели такой ценности: астрономии, истории Федерации, мировой политики.

Несмотря на то что вся моя жизнь состояла из беготни по кафетерию, стёртых до мозолей ног и размышлений, откуда ещё можно добыть кредиты, по вечерам, закрывшись в своей комнате, я с упоением изучала в федеративной инфосети всю имеющуюся там информацию. О новейших разработках и патентах миттаров в медицине. Об удивительных возможностях цваргов, которые, в противовес жителям Захрана, с каждым годом делали свою планету всё более закрытой. О пиратах, что время от времени нападали на соседей Федерации Объединённых Миров, но те, в свою очередь, не хотели открывать границы для пропуска кораблей Космофлота, потому что боялись оккупации собственного космического пространства. О прекрасном и солнечном Зоннене с его синне-зелёными океанами. Да много о чём.

В кроссовках противно хлюпало, в горле запершило. «Заболею, наверное», – подумала отстранённо. Вода тонкими ручейками стекала с волос прямо на куртку, а с неё на штаны, оставляя на последних некрасивые разводы... В животе громко заурчало ровно в тот момент, когда подходила к до-

му. И тут вдруг вспомнилось, что я сегодня так и не успела пообедать, а время между тем близилось к ужину.

Когда в очередной раз подняла руку, чтобы поправить неудобный воротник, из густой водной взвеси проступила фигура в тёмно-синем мундире с золотой звездой. От неожиданности я даже замедлила шаг, настолько нереальным представилось мне то, что мой недавний знакомый брюнет в такую погоду поджидает меня у подъезда дома. Конечно, в отличие от девушки, которая только что осталась без работы и без единого гроша в кармане, у него имелся трансформируемый купол. И одежда наверняка обработана водоотталкивающей пропиткой. И ботинки не пропускают влагу. Но я всё равно не смогла скрыть своего изумления.

– Марк?! Что ты здесь делаешь?

– Да вот хотел тебя увидеть, чтобы обменяться номерами наших коммуникаторов. – Парень обворожительно улыбнулся, сверкнув белозубой улыбкой. В результате раскосые глаза стали ещё уже, но это ничуть не испортило внешность молодого человека. Наоборот, со своими очаровательными ямочками на щеках Марк на миг показался мне таким простым, словно мы давно были знакомы. Хорошим приятелем, с которым можно поделиться всеми невзгодами и пожаловаться на жизнь. Но этот миг прошёл, и всё вернулось на круги своя. – Я зашёл в тот кафетерий, но вторая девушка сообщила, что ты уволилась, и дала твой домашний адрес. Надеюсь, ты не сердишься, что я ждал тебя здесь?

Несколько секунд я хлопала ресницами. Что? Зачем? Ну обменяемся мы номерами, а дальше-то что? Марк Танеко – симпатичный кадет, поступивший в Академию Космического Флота. А я кто?

– Нет, разумеется, не сержусь, – пробормотала, совершенно не соображая, что говорить, а потому ляпнула первое пришедшее на ум: – А где твои друзья?

– Собирают вещи, прощаются с родственниками. Уже завтра мы улетаем. Увольнительная заканчивается, – спокойно пояснил кадет. – Я смотрю, ты всё-таки надумала попробовать пройти тест в Академию? – Его взгляд остановился на тонком буклете в моих замёрзших пальцах и голубом корешке, что сиротливо торчал из него.

Неопределённо повела плечами.

– Не знаю... Я ещё ничего не решила.

– Решайся скорее, тебе понравится, – вновь улыбнулся собеседник. Тёплые карие глаза при этом озорно блеснули.

Где-то вверху гроыхнуло, и на нас обрушился целый поток воды. По всем законам гостеприимства нужно было пригласить Марка к себе домой, но я понятия не имела, как на это отреагирует Гардения. Пока срочно придумывала, что ответить парню, из сплошной стены воды вынырнули ещё две фигуры, закутанные в длинные пластиковые плащи, – худая высокая и низенькая, чуть потолще. В первую секунду не обратила на них внимания, зато они сразу узнали меня.

– Вивьен, вот ты где! А мы тебя искали! Ты вообще-то

должна была принести сегодня ужин, а его всё нет и нет. Хлоя, между прочим, проголодалась! Так что нам самим пришлось тащиться в ту дыру, где ты работаешь, и Казимир Бельмешев сообщил, что ты прогуливаешь... – возмущённо отчитывала меня мачеха, начав делать это ещё издавека. Но она резко осеклась, когда рассмотрела моего собеседника. – Ой, а кто это с тобой?

Я судорожно сглотнула, быстро придумывая, что можно сказать Гардении, чтобы та отцепилась от меня. Когда приду домой, пускай орёт, возмущается, пусть даже все чаевые до конца года себе заберёт, лишь бы только не унижала меня сейчас перед Марком. Однако прежде, чем я что-либо сообщила, юноша сделал уверенный шаг вперёд и по-военному чётко отдал честь.

– Добрый вечер! Я кадет главного филиала Академии Космического Флота, прилетел с друзьями на Захран в увольнительную. Познакомился с Вивьен на днях и хотел пригласить её в иллюзион, но она, к сожалению, оказалась очень занятой. Вот теперь пытаюсь добиться от неё номера её коммуникатора.

– У Вивьен? У этой уродины? – не моргнув глазом брякнула мачеха. Причём сказано это было таким тоном, будто моё врождённое уродство располагается на лбу, а не на ногах. – Зачем она вам?

Воспитанный таноржец оторопел от прямоты моей родственницы. Я же отчаянно закусила губу, чтобы не распла-

каться. Хотя и не собиралась поступать в Академию, но выглядеть полнейшим ничтожеством перед симпатичным брюнетом мне тоже не хотелось. Это был первый парень, который обратил на меня внимание. Да, скорее всего, он уже завтра улетит в свой космос и вряд ли вспомнит обо мне, но всё же приятно, что кто-то в принципе *заинтересовался* мной.

– Простите, я не совсем понимаю, почему вы так называете Вивьен... – спустя несколько секунд молчания произнёс кадет Танеко.

– Ой, а она вам разве не сказала?! – наигранно удивлённо воскликнула Гардения. – Вивьен бракованная. Она родилась с уродством ног, а потому всегда носит штаны.

Марк перевёл изумлённый взгляд на меня, а я почувствовала, что непроизвольно отступаю. Совсем как недавно в парке. Шаг, ещё один шаг. В карих глазах мелькнуло понимание. Он вспомнил, как я упала в «Усладе». А ведь плотные легинсы тогда порвались сразу в нескольких местах... Ещё шаг.

– Послушайте, – Гардения вновь обратилась к Марку, – вы явно очень серьёзный молодой человек, имеющий перспективы в Звёздном Флоте...

– Космическом, – автоматически поправил кадет, неотрывно глядя на меня. Было что-то такое в этом взгляде, отчего я почувствовала, как у меня вновь начинают дрожать пальцы. Не от холода. От страха, что и таноржец тоже назовёт меня уродиной.

– ...Перспективы в Космическом Флоте. У меня есть дочь, Хлоя, очень милая девушка. И, кстати, любит иллюзии, в отличие от нелюдистой и не обученной правилам этикета Вивьен.

На этих словах я не выдержала, развернулась и опрометью бросилась в подъезд.

Позади послышался мужской крик:

– Вив!

И женское:

– Ну а я что говорила? Безответственная, слабохарактерная девица...

Капли дождя на моём лице давно смешались со слезами, рыдания душили. Я споткнулась в прихожей о свёрток с Пыльником, больно ушибив мизинец на ноге, смачно выругалась и нырнула в свою крошечную каморку без окон. Как же в этот миг я ненавидела свою мачеху! А заодно и себя, и свои проклятые ноги... Не знаю, сколько провалялась, уткнувшись носом в подушку, но в какой-то миг на периферии сознания уловила громкий хлопок входной двери и шелест одежды, а затем скрип напольного покрытия и стук в мою дверь.

– Вивьен, открывай, засранка! – визгливо крикнула опекунша.

В ответ накрылась одеялом с головой. Нет, не открою. Не хочу. Не могу...

– Значит, так, Вивьен, ты меня очень сильно расстрои-

ла сегодня, – так и не дождавшись какой-либо ответной реакции с моей стороны, продолжала Гардения. – Мало того что ты не выкинула морозильник, не принесла домой еду после работы и нахамила Казимиру Бельмешеву, я теперь ещё узнаю, что ты втайне, – она повысила голос, – встречалась с кадетом Академии Космического Флота! Ты, безмозглая уродина, замахнулась на такого чудесного и воспитанного молодого человека с самого *Танорга*! – Название планеты прозвучало в устах мачехи как синоним к слову «небеса». – Могла бы подумать и о сестре, между прочим. Познакомить юношу с Хлоей. Хотя о чём это я? Ты же бессовестная хамка и думаешь лишь о себе... Вон Казимир сообщил, что ты просто-напросто бросила работу в кафетерии. Ты хотя бы подумала о том, на что мы теперь будем жить?!

Сглотнула горькую слюну, встала с кровати и всё-таки отодвинула самодельную задвижку на двери.

– Я не бросала работу, просто у меня не было другого выхода... – пробормотала сквозь слёзы, но Гардения властным движением руки остановила поток моих оправданий.

– Что это?! – произнесла она таким тоном, будто в квартире завёлся по меньшей мере сломанный трактор, на утилизацию которого уйдёт весь месячный оклад официантки.

Машинально обернулась. На полу в центре комнаты валялась та самая брошюра и голубой квиточек с оттиском эмблемы Космофлота и аккуратной надписью «Вивьен Виардо, 08:00». Видимо, выпало из рук, а я этого даже не заметила.

– Ты что, решила податься в Академию?! – взвизгнула мегера раньше, чем я успела понять, что именно так её взволновало.

– Да нет... не совсем...

Тёмные косы мачехи растрепались и слегка намокли под дождём. Сейчас они напоминали клубок шевелящихся ядовитых змей, а красивое лицо исказила такая гримаса, что мне стало откровенно не по себе.

– Ты, неудачница, решила попытать счастья в космосе? Думаешь, раз тебя здесь не любят, то такое страшилище примут с распростёртыми объятиями там? Что на фоне рогатых цваргов и шестируких пикси твоё уродство никому не бросится в глаза?! Да на что ты сдалась им, Вивьен?! Я столько лет потратила на тебя и твоё воспитание, растила как родную, а ты?! Забудь о нелепой идее улететь с Захрана! Это твоя *родная* планета! А здесь – твоя родная семья! Где родился, там и пригодился! Поняла?!

Лицо Гардении покраснело, а губы побелели. Мачеха жёстко оттолкнула меня, прошла внутрь комнаты, в которой обычно не любила появляться, наклонилась, подняла голубой квиток и прямо на моих глазах порвала его. Затем сложила обрывки и порвала снова, и ещё раз, и ещё...

До сих пор я уверяла и себя саму, и ларка, и даже Танеко, что не хочу поступать в Академию. Но, глядя на то, как Гардения уничтожает мой единственный шанс начать новую жизнь, я испытала почти физическую боль. Лучше б она ме-

ня ударила. Лучше бы выставила на посмешище посередине площади с голыми ногами, в короткой юбке. Лучше бы ещё раз унизила перед Марком... Всё было бы лучше. Внутри меня взметнулся рой ос, который стал больно жалить прямо в сердце. Они жалили и жалили...

– Завтра же пойдёшь к Казимиру и вымолишь у него прощение, – тем временем, чуть успокоившись, произнесла Гардения. – И морозильник выкинешь тоже завтра. А насчёт Космофлота забудь. Во-первых, туда берут только лучших из лучших, а во-вторых, ты уродина среди своих, а среди чужих станешь и вовсе кикиморой. Над тобой все будут смеяться.

Голубые клочки веером рассыпались по полу. Не дожидаясь моего ответа, мачеха вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

Глава 3. Тестирование

Горло саднило, глаза чесались, а в голове стоял тихий гул. То ли из-за того, что всю ночь прорыдала в подушку, то ли потому, что всё-таки приболела. В любом случае, на тот момент, когда кто-то поскрёбся в мою дверь, чувствовала себя отвратительно.

Звук был таким тихим, что в первую секунду приняла его за слуховую галлюцинацию. Но странное поскрёбывание повторилось вновь.

Приподнявшись на локтях, встала и, открыв дверь, впустила внутрь Пыльника. Робот шустро перемещался по коротковорсовому ковру, оставляя на нём грязный серый след от своих гусениц.

– Пы-ы-ыльник, – простонала протяжно, наблюдая, как бракованный аппарат кружит вокруг меня, методически загрозя пол в помещении. Наехав на брошюрку с изображением представителей различных рас Федерации, он забулькал почти угрожающе и принялся зажевывать одну за другой цветные страницы.

Каким-то чудом вырвала из пасти пылесоса тонкую книжицу, правда, внешне она теперь напоминала очень древний музыкальный инструмент под названием «гармошка».

– Да какая разница! Всё равно у меня нет шанса поступить в Академию, – произнесла меланхолично, чувствуя острую

боль в горле. – Тот ларк сказал, что квиток нужен обязательно, а записаться на тестирование снова уже не успею. Сегодня последний день...

Не знаю, мог ли робот услышать и понять меня или же у него просто вышла из строя клипса мусорного контейнера, но последняя вдруг громко щёлкнула, и на ноги мне выпала куча пыли вместе с горсточкой обрывков голубой бумаги. Не веря собственным глазам, дрожащими руками подобрала и соединила эти обрывки. Да! Это был тот самый квиток от анкеты! Из нескольких кусочков составилось моё имя – «Вивьен Виардо», а на одном сохранился фрагмент символики Академии Космического Флота. Последней детали пазла – с датой и временем – отыскать не удалось, но я и так помнила их наизусть.

Громко сглотнула, уставившись на то, что все-таки получилось собрать.

«Может, это знак свыше? Может, стоит попробовать?» – встрепенулся внутренний голос.

Потрясла головой. Нет, какой ещё знак? Нужно идти на работу...

«Зачем?» – спросил всё тот же голос. Я застыла, задумавшись и прикусив губу.

Коммуникатор показывал семь двадцать три. Если быстро одеться и бегом рвануть в городской парк, то, возможно, ещё успею. Бракованный робот зашевелился и издал странный звук. Тем самым он вывел меня из оцепенения, и я, вскочив

на ноги, начала лихорадочно выискивать подходящую одежду.

– А что я теряю, в конце концов? Ну опоздаю на нелюбимую работу или даже прогуляю ещё одну смену в «Усладе». Ничего ведь уже не изменится...

Понимая, что время поджидает, не глядя натянула первые попавшиеся штаны и футболку, схватила из гардеробной куртку...

– Вивьен! – прозвучал до тошноты надоевший голос из соседней комнаты. Я вздрогнула, по спине побежали противные, как паучьи лапки, мурашки. Было такое ощущение, что мачеха каким-то фантастическим образом прочитала мои мысли. А может, среди её предков были цварги и она умеет улавливать эмоции?..

Пылесос полетел в потрёпанную наплечную сумку. У кроссовки, как назло, сломался встроенный вакуумный шнуровщик, и я, ломая ногти, принялась самостоятельно просовывать кручёный шнур в крошечные петельки.

– Вивьен? – Высокая женщина с тёмными волосами, уложенными в очередную мудрёную причёску, показалась в проходе. – Так я не поняла, ты почему морозильник с собой не забираешь? Сколько мне ещё терпеть мусор в доме?!

– Вечером отнесу, – пробормотала, переходя ко второй кроссовке.

– Вечером? Ну ладно, – скривилась Гардения. – Да, кстати, не забудь захватить что-нибудь на ужин. Но только не ма-

кароны! Сколько можно их таскать? Неужели у тебя такие отвратительные отношения с поваром?

– Не в поваре дело. Казимир запрещает персоналу есть что-либо, кроме каши или макарон. Ну а брать еду на дом вообще считается нарушением правил, установленных в «Усладе».

– Ой, прекрати! – Мачеха замахала на меня руками. – Ладно бы мне так Хлоя ответила, ей всего шестнадцать, но ты! Тебе, Вивьен, должно быть стыдно! Неужели до сих пор не знаешь, как угодить своему начальнику?! Он же мужчина, в конце концов! Восхититься, сделать комплимент, ресничками восторженно похлопать! На вот, держи.

И Гардения протянула мне какую-то чёрную тряпочку.

– Что это? – удивилась я, не спеша брать вещь в руки.

– Легинсы для тебя. Это бывшие Хлоины, но они тёмные и скучные. Я ей новые куплю, в цветочек, а тебе и такие сгодятся. Из разговора с Казимиром я поняла, в чём проблема. Ты заявила на работу в штанах. Так вот, сегодня надень юбку, чтобы шеф тебя окончательно не выгнал.

Взяла «презент» и произнесла онемевшими губами:

– Спасибо.

Легинсы Хлои наверняка существенно большего размера, чем мне надо, но я не глядя засунула их в сумку. У меня в гардеробе не так много одежды, чтобы раскидываться ею. Неужели Гардения решила обо мне позаботиться? Может, всё не так плохо, как я думаю, и мачеха действительно же-

дает мне добра?..

Уже переступая порог квартиры, слышала:

– Вивьен, принеси также какие-нибудь фрукты. Хлое нужны витамины; сама понимаешь – растущий организм. Уверена, на кухне списывают яблоки и бананы по графе «Просрочка». Ну а если Казимир поймает тебя за руку, включи женское обаяние. Чай, не девочка уже.

Тупо кивнула, сдерживая слёзы, но из подъезда выходила уже с чётко оформившейся мыслью: нужно хотя бы попытаться прорваться в Академию Космического Флота.

Семь тридцать девять. Кросс вдоль тротуара, противно припекающее солнце и тяжёлая сумка, что натирает плечо.

Семь сорок один. На верхних уровнях мелькают аэрокары. Краем глаза вижу, как какой-то состав сошёл со своей линии и с оглушающим визгом чуть не врезался в платформу, на которой стояли люди. Водитель флаера, видите ли, решил «проучить» машиниста поезда! Впрочем, никто из ожидающих на платформе и бровью не повёл: подобное случается на Захране чуть не каждый день.

Семь сорок восемь. Обогнула толпу митингующих «зелёных» и остановилась на несколько секунд, чтобы откашляться. Табачный дым разъедает лёгкие и глаза. Горло саднит всё сильнее. Пожалуй, в городе никто не дымит так, как эти борцы «за парки для всех». Передохнув, из последних сил рванула к заветному одноэтажному зданию в нижней части городского парка искусств.

Семь пятьдесят восемь. На полной скорости практически врезаюсь в высокого златовласого мужчину, только что обьявившего мои имя и фамилию.

– Вивьен Виардо! Это я! Я! – После того как надышалась дымом в толпе «зелёных», произнесла эти слова почти что басом, как если бы была курильщиком с десятилетним стажем.

– Вы? – Мужчина окинул меня удивлённым взглядом и... принялся. Могу поклясться, у него прям-таки зашевелились ноздри – совсем как у хищника. И опять вертикальные зрачки. Ага, выходит, передо мной очередной ларк.

– Так точно! – произнесла настолько твёрдым и уверенным голосом, что удивилась сама себе. Потом потянулась к карману за обрывками квитка, что вчера получила у автомата. – Вот, смотрите, если совместить все эти кусочки, то получится «Вивьен Виардо». – Судорожно стала собирать на ладони свой пазл. К сожалению, утром из шестнадцати кусочков Пыльник выплюнул только четырнадцать, а из кармана сейчас извлеклись всего десять. – Вот, видите? Я вчера анкету заполняла, точнее, не я, а кадет, что раздавал опросники... У меня запись на восемь ноль-ноль, я это чётко запомнила...

Один из фрагментов, как назло, приклеился к указательному пальцу и не хотел отлепляться.

– Девушка, – мужчина положил мне на плечо свою внушительную ладонь, – я верю, что вы вчера заполнили анкету

на прохождение тестирования. Но вы *уверены*, что хотите в Космический Флот?

– Уверена! – Я впервые отважилась взглянуть прямо в зелёные глаза офицера и невольно вздрогнула. – Уверена, – повторила чуть тише.

– Но посмотрите на себя... – мягко начал тот.

Стыдливо прикрыла ресницы. Да, я с утра не умылась и не успела расчесаться. На мне старые штаны с разводами после вчерашнего дождя, какая-то непонятная куртка, а из сумки торчит хобот бракованного пылесоса. А ещё от меня воняет куревом. Судя по всему, для ларка этот запах неприемлем... Довершают неприглядную картину опухшее от слёз лицо и севший до хрипоты голос. От волнения облизнула губы.

– Понимаю... Вы берёте в Академию только лучших из лучших, и всё такое. Но, пожалуйста! – Я сложила руки в молитвенном жесте. – Дайте мне шанс! Вот квиток... он немного порван, но я же пришла! И вовремя!

Несколько секунд мужчина в синей форме смотрел на меня не мигая. Затем поджал губы и тяжело вздохнул:

– Вы понимаете, что кадетам запрещается курить? У них должны быть хорошо развитые и чистые лёгкие.

– Ага, – кивнула покорно, – я вообще-то не имею этой вредной привычки, просто... Впрочем, неважно.

– И ваше лицо...

Я тут же поднесла руки к щекам.

– А что с ним?

– В болезнях захухрей я не разбираюсь, – медленно произнёс ларк, делая паузы между словами, – но мне кажется, что вам сейчас не вступительное тестирование сдавать надо, а показаться доку. Принять лекарства, а ещё лучше – лечь в медицинскую капсулу.

Всё так же послушно покивала и ответила:

– Да, вы совершенно правы. Как только сдам вступительные, сразу же последую вашему совету. Что-то ещё, сэр?

Офицер покачал головой.

– Нет, это всё. Можете обращаться ко мне «командор Грешх-ан».

– Так что мне теперь делать, командор Грешх-ан? Куда идти?

– Грешх-ан! Не «ж», а «ш». – Мужчина закатил глаза. – Туда, внутрь здания, первая дверь направо. Там вам всё объяснят. – Следующий! Абитуриент...

Я прошмыгнула между разъехавшимися в стороны створками двери и, послушно повернув направо, очутилась в зале, полном стандартных спортивных тренажёров и каких-то неведомых, но пробирающих до мурашек на спине приспособлений: гигантских шаров с трубками, зеркальных шкафов и причудливых качелей, больше похожих на пыточные устройства из докосмической истории Захрана. Бросила взгляд в конец зала и обнаружила там... парту. Самую обыкновенную парту, какими оснащались государственные школы на моей планете. Фу-у-ух, ну, хоть что-то знакомое! Шаг-

нула в сторону единственного не внушающего подозрений предмета, но в этот момент меня остановил властный голос:

– Абитуриент Виардо, сначала сдача физических показателей, а затем уже проверка теоретических знаний.

Медленно обернулась и с облегчением увидела позади себя обыкновенную женщину в мундире.

– Майор Мэралайн Клинтс, – представилась она. – Ну-ка, вставайте на дорожку.

Это была последняя фраза, которую мозг воспринял адекватно, прежде чем начался мой персональный ад. Не могу сказать, что до сих пор считала свою физическую форму плохой... Работая официанткой по две смены подряд, бегая на каблуках по всей «Усладе» и нося на вытянутых руках гружённые разнообразной снедью подносы, я поневоле прошла приличную, на мой взгляд, подготовку. Но отвратительное самочувствие после бессонной ночи, словно иголками утыканное горло, незажившие мозоли на ногах – всё это не могло не сказаться на результатах теста.

Между тем я старалась изо всех сил. Сердце колотилось как бешеное, ежеминутно перекачивая литры крови, пульс набатом гудел в ушах, но всякий раз, замечая недовольное выражение лица майора, я понимала: надо поднажать ещё хотя бы капельку... После пробежки меня обклеили разноцветными электродами и всунули в руки кистевой гидроскопический тренажёр. Потом были приседания с эспандерами. После них запихнули в один из огромных шаров, пристегну-

ли ремнями руки и ноги и закрутили. Не вырвало лишь потому, что я уже очень давно не ела. Не завтракала сегодня, пропустила обед и ужин вчера. Пожалуй, из всего арсенала пыточных агрегатов этот шарик показался мне самым безобидным устройством.

Хотя нет, понравилось ещё в зеркальном шкафу. Перед входом в него женщина-офицер попросила меня разуться и снять все металлические предметы. Нужно было всего лишь спокойно посидеть внутри и ничего при этом не делать. Это тестовое задание вообще посчитала за отдых. В какой-то момент даже задремала в уютном глубоком кресле, чему, когда шкаф открыли, майор Клинтс долго удивлялась и несколько раз переспросила, не болит ли у меня голова.

Ещё было задание на ловкость, которое тоже неожиданно показалось мне не таким уж и сложным: поймать равновесие на воздушной балансировочной полусфере площадью в несколько ладоней. Вначале – пока она стоит на земле, а затем – когда поднимается всё выше и выше. По сравнению с тем, чтобы за один подход притащить на подносе блюда четверым посетителям и при этом на высоченных каблуках лавировать между столами, – это задание показалось плёвым делом. Майор старательно записала высоту, с которой я, не удержавшись, всё-таки упала на мягкий мат. Два метра сорок три сантиметра!

Когда потеряла уже счёт времени, женщина подвела меня к вертикальному цилиндрическому аквариуму, наполненно-

му розовой жидкостью, и сказала:

– А теперь проверим, как долго ты можешь задерживать дыхание.

– Мне придётся для этого снять одежду? – пискнула испуганно.

Почему-то представилось, что сейчас меня попросят раздеться до нижнего белья и с головой запихнут в этот цилиндр с неизвестным содержимым. Испугало даже не то, что я окунусь в непонятную жидкость и, возможно, захлебнусь, а необходимость оголить ноги.

– Что? – Майор удивлённо моргнула, затем перевела взгляд на аквариум и впервые за всё время улыбнулась. – Нет-нет, снимать одежду не надо. Просто подойдите сюда, наденьте маску и вдохните так глубоко, как только получится. Не переживайте, это сжиженный газ, он не причинит вам вреда. Наоборот, данная процедура весьма полезна для любого гуманоида, собирающегося провести некоторое время в космосе.

Я всё ещё не верила, что разоблачаться не нужно, но послушно надела маску и вдохнула этот не то газ, не то жидкость. Он оказался действительно приятным на вкус, если такое вообще можно сказать про дым. Сладковато-фруктовый, как спелый арбуз в сухой год, но без привкуса горечи от красителей. После этой ингаляции даже в голове немного прояснилось, да и усталость временно отступила. Содержимое цилиндра значительно посветлело, на дисплее отобрази-

лись некие числа, которые таноржка тут же зафиксировала в своём электронном носителе.

Когда меня всё-таки усадили за парту, дали в руки планшет и стилус, ощущала себя примерно так же, как после двойной смены в «Усладе»: уставшей, но предвкушающей скорое освобождение от неудобной обуви, брюзжащего начальства и недовольных посетителей.

– Здесь общие вопросы, задачи сразу по нескольким предметам, тесты. Читайте, отвечайте, – произнесла майор Клинтс, делая пометки у себя в планшете.

Первые графы – ближайшие родственники, отклонения в здоровье, список аллергенов и прививок, а также наследственные заболевания – заполнила быстро. Стилус дрогнул лишь на графе «иное», но, выдохнув, всё же написала: «Врождённый дефект кожных покровов на ногах». Затем личные вопросы сменились общими.

Первый час старалась отвечать правильно. Но в какой-то момент поняла, что буквы перед глазами расплываются, голова тянется к парте, а смысл заданий ускользает от моего сознания. Задачи, в которых фигурировали электромагнитные волны или дифференциальные уравнения, пропускала сразу же, выбирая ответы наобум. Пыталась вспомнить что-то по астрономии, но тщетно. В конце концов, когда майор Клинтс подошла ко мне, чтобы забрать планшет, чувствовала себя просто ужасно. И в первую очередь потому, что искренне удивлялась: как можно знать наизусть всё то, о чём

меня спрашивали? Неужели такие гении существуют?! Вселенная, да запомнить вечно меняющееся меню и состав блюд в «Усладе» в тысячу раз проще, чем заучить все эти планеты и планетоиды Федерации вместе с длиной их экваторов, составом атмосферы и названиями спутников!

– Посидите в зале ожидания, пока будет идти проверка письменной работы, – попросила женщина-офицер, указывая рукой на зал, в котором трудилось множество людей в синей форме.

Хотя сколько среди них было людей, а сколько ларков – это ещё вопрос.

Полностью вымотанная и опустошённая, с ощущением жара и ломоты в теле, я протиснулась между столами сотрудников, отыскала взглядом диван в углу и аппарат по выдаче воды. Пить хотелось страшно, но у меня не было ни единого кредита, чтобы купить бутылку. С сожалением прошла мимо, примостилась на краю мягкого дивана и, откинувшись на спинку, прикрыла веки.

Что теперь будет, если меня не возьмут? После всех этих тестов была абсолютно уверена, что такие, как я, не нужны Академии. Зачем? Можно взять кого-нибудь с образованием, с рекомендациями, кто умеет решать все эти сложные волновые уравнения. Со здоровыми ногами, в конце концов. Не знаю, сколько я так сидела, но в какой-то момент почувствовала, что диванная подушка рядом со мной ощутимо прогнулась.

Открыла глаза и уставилась на командора Грешх-ана. Сейчас, когда испытание было уже позади и я никуда не спешила, взгляд выпечпил и необычные нашивки на рукавах мундира, и морщинки около глаз и рта мужчины, и даже то, что несколько прядей командора были не столько золотые, сколько практически белые. А ведь ларки живут дольше и стареют гораздо медленнее захухрей. Сколько же ему лет?

Офицер поставил передо мной бутылку с водой из того самого аппарата.

– Ты молодец, я видел твои результаты. Пей, Вивьен, заслужила.

Смущённо оторвалась от созерцания своего соседа и потянулась к бутылке. О, Вселенная! Это была самая вкусная вода, которую мне когда-либо доводилось пробовать! Чистая, с лёгким солоноватым привкусом, освежающая и прохладная. Даже першение в горле поутихло.

– Нравится? – спросил мужчина и, не дожидаясь ответа, добавил: – Это с моей родной планеты. С Ларка.

– М-м-м, очень вкусно, – призналась искренне. – Хотя, наверное, вода с любой планеты окажется вкуснее, чем наша, с Захрана. Здесь чаще всего продаётся дистиллят, обогащённый искусственно синтезированными минералами. А не хочешь её, можно попить ржавую, прямо из-под крана. Правда, не факт, что не отравишься.

Мужчина усмехнулся.

– С любой, да не с любой. Так это и есть основная причи-

на, почему ты хочешь попасть в Академию? Поиски лучшей жизни? Желание потреблять натуральные продукты?

Взгляд командора сделался неожиданно серьёзным. Я поёжилась. С одной стороны, да, до сих пор искренне считала, что любая другая планета или просто космическая станция будут лучше Захрана, с другой стороны – это не являлось главной причиной. Если бы всё, что меня не устраивало здесь, касалось лишь экологии и продуктов питания, я бы не пришла на тестирование. Но признаться совершенно незнакомому мужчине в истинных мотивах было откровенно стыдно. Никогда не любила ябед и сама старалась не жаловаться на жизнь. Такое поведение казалось мне недостойным.

– Даже если и так, – гордо вскинула подбородок, – что в этом плохого?

Зрачки Грешх-ана на миг вытянулись в тонкие вертикальные полоски, но собеседник почти сразу же моргнул и покачал головой.

– В этом нет ничего плохого, – с тяжёлым вздохом произнёс он. – Просто я должен понимать мотивацию тех, кто стремится попасть в Академию. Когда люди или любые другие гуманоиды от чего-то бегут, они полны запала, энергии. Зачастую их порыв можно спутать с желанием что-то сделать и чего-то добиться. Но на самом деле налицо два в корне противоположенных стимула. Первые бегут от разрушений, а вторые хотят созидать.

– Ох, – только и смогла выдавить из себя, не подобрав подходящего ответа.

Теперь я уже не сомневалась, что поступила правильно, не рассказав космофлотовцу ни о мачехе, ни о проблемах с ногами и кредитами. Боюсь, в его системе двух категорий попала бы строго в первую.

– У последних, – тем временем продолжал ларк, глядя куда-то вдаль, – есть крепкий внутренний стержень. Это люди-воины по духу, они привыкли сражаться, отстаивать свои позиции и идеи, защищать то, что им дорого, даже если у них нет на это сил. До последнего вздоха, до последней капли крови. Космофлот в первую очередь нуждается именно в таких людях, ларках, цваргах... Неважно, к какой расе относится тот или иной гуманоид. По большому счёту также не имеет особого значения, какие природные данные у абитуриента. Незнающего можно научить, слабого – натренировать, но дух, тот самый внутренний стержень ни в ком не сформировать извне. Он либо есть, либо его нет.

Тихонечко перевела дыхание и отпила из бутылки. Что тут скажешь? Я и сама считала, что формула успеха складывается из настойчивости, упорства и готовности снова и снова пытаться сделать то, в чём ты потерпел неудачу. Вот только доказывать собеседнику на словах, что я именно такая, глупо. Если б была такой, не работала бы официанткой в «Усладе».

Не догадываясь о том, какие мысли блуждают в моей го-

лове, командор продолжил:

– А что касается первой категории... Не поверишь, как часто к нам попадают внешне яркие личности с превосходным образованием. Первые год, два, а иногда даже три они неплохо держатся на плаву, благодаря знаниям, которые уже имелись у них на момент поступления. Но за это время такие ребята привыкают быть баловнями судьбы, а поэтому забывают, что учиться и стремиться к совершенствованию нужно постоянно. При самом благоприятном стечении обстоятельств они проваливают очередную сессию, потому что не могут вовремя взять себя в руки и сесть за учебники или симуляторы полёта, и в результате уходят из Академии. А вот в самых прискорбных случаях таких кадетов отправляют для прохождения практики на далёкие планеты, к жизни на которых они – прежде всего морально, а иногда и физически – не готовы. И тогда нам приходится высылать золотые звёзды их семьям. Понимаешь меня?

Заторможенно кивнула, ощущая неприятный холодок, пробежавший по телу. О том, что на службе можно и погибнуть, как-то до сих пор не думалось. Может, я действительно не простужена, а больна на всю голову, коли решила, что должна попытаться счастья в Академии?

На табло в центре зала загорелись мои имя и фамилия, а также номер столика, за которым сидела та самая женщина, что проводила моё тестирование.

– Иди, – кивнул командор, – майор Клинтс, наверное, уже

заждалась тебя.

Глава 4. Кадет или уборщица?

Я с трудом переставляла ноги, направляясь в сторону посадочной площадки, и, кажется, держалась на чистом упорстве. Каких-то семь или восемь километров – не такое большое расстояние, но оно становится практически непреодолимым, если в течение нескольких часов ты сдаёшь тесты на выносливость, ничего при этом не ешь и чувствуешь, как температура тела медленно, но верно ползёт вверх.

Слова майора, впрочем, как и откровения командора, постоянно крутились у меня в голове.

«Академия Космофлота не исполняет мечты. Это всего лишь учебное заведение...»

«При самом благоприятном стечении обстоятельств они просто проваливают очередную сессию...»

«Вы не подходите для Академии Космического Флота... Но я могу походатайствовать, чтобы вас распределили в пограничный филиал на необитаемой планете на задворках Вселенной...»

Казалось, что мне на ноги надели кандалы из осмия, такими тяжелыми они казались. Но я упорно шла, не обращая внимания на усталость, и тихо спорила сама с собой:

– Зачем ты идешь туда? Командор ясно дал понять, что таким, как ты, не место в Академии. Вообще нигде – ни в

главном филиале, ни даже в пограничном.

– Но никто из офицеров не сказал мне чёткого «нет».

– Они просто очень вежливые. Тебе это в новинку, так как на Захране вежливость – редкая вещь.

– Мне сказали, что корабль отходит завтра с площадки, находящейся за чертой города.

– А тебе не кажется, что стремиться неизвестно куда, на планету, название которой тебе даже не сообщили, по меньшей мере глупо? И пограничный филиал – что это вообще за ерунда? В инфосети о таком никогда не писали. На Захране у тебя есть крыша над головой, какая-никакая работа, более или менее понятное будущее. Что будет там?

– Что-нибудь да будет, – скрипнула зубами. – Всяко лучше, чем прозябать остаток жизни здесь.

– Гм-м-м, ну да, правильно. Сразу чувствуется грамотный анализ ситуации и тщательно взвешенное решение, – саркастически ответило подсознание. – Именно поэтому сейчас, на ночь глядя, ты волочишь свою тушку на городскую свалку, а не домой. У тебя, кстати, совершенно точно жар.

Я не стала отвечать, а внутренний голос, воодушевлённый моим молчанием, решил ещё немного «попилить» меня:

– А что Гардения скажет? Она, между прочим, даже легинсы Хлои пожертвовала, чтобы ты могла работать официанткой...

– ...И отдавала ей всю зарплату. Если теперь вернусь домой, мачеха меня со свету сживёт. Она обязательно докопа-

ется до того, где я была весь день, а когда узнает про тестирование, то утром просто не выпустит из дома...

– И где же ты будешь ночевать? Неужели в эксклюзивном отеле, который на самом деле только притворяется специализированной свалкой для вышедшей из строя электроники? – насмешливо фыркнул внутренний голос.

– Может быть, и там. Тебе какое дело? – шикнула сердито.

– Мне – никакого. Но если ты будешь и дальше разговаривать вслух сама с собой, то вон те замечательные молодцы в форме Планетарной Полиции загребут тебя как подозрительную личность, и тогда уж точно не видать тебе Космофлота как своих ушей.

Глубоко вздохнула, косясь на полицейских. Даже выпрямила спину, насколько это было возможно, чтобы выглядеть чуть более презентабельно. К счастью, именно тогда, когда один из блюстителей порядка стал приглядываться к подозрительной и ползущей, словно беременный черепахо-слизень, гражданке, где-то в конце улицы бабахнуло, раздались истерические крики, а наручный коммуникатор офицера ожил. Все трое патрульных напряглись, прослушивая передаваемое сообщение, а затем как по сигналу оседлали свои серебристые гравибайки и взмыли в воздух в направлении нарастающего шума. Через полминуты об их недавнем присутствии напоминало лишь облако сизого дыма да характерный запах окиси азота, что заливает в свой транспорт Планетарная Полиция, чтобы усилить скорость работы двигателей.

Переведя дух, поковыляла дальше. Стёртые до водяных мозолей стопы адски болели, в голове противно звенело, во рту давно пересохло, а всё тело ломило. К тому моменту, когда я всё-таки выбралась из города, стемнело. Позади мерцала и шумела столица Захрана. Мигали многочисленные красно-жёлто-сине-зелёные семафоры, регулирующие движение в воздушных коридорах. Попеременно вспыхивали цветастые баннеры и голографические изображения с рекламой бытовых предметов, от саморассасывающихся зубных капп до защищающих от внешнего шума шлемов, предназначенных для здорового сна. Разумеется, реклама последних сопровождалась до зуда надоевшей музыкой: тили-тили-тролль. Отсвечивали фарами редкие для этого времени суток флаеры, слышалась приглушённая расстоянием ругань водителей. И над всем этим «праздником жизни» висело облако серого дыма и гари.

Оглянулась и неожиданно поняла, что здесь, на свалке бывших роботов, ничуть не грязнее, чем в самом городе, но при этом относительно тихо и никакие яркие вспышки света не раздражают сетчатку глаз. Осмотрела ровные горы металла, баки с мелкой электроникой и расчищенные дорожки, затем перевела взгляд на посадочную площадку для крупных звездолётов и рейсовых лайнеров. По странному стечению обстоятельств специализированная свалка робототехники и площадка граничили друг с другом. Хотя, возможно, кто-то намеренно организовал временный космопорт здесь, чтобы

легче было вывозить с Захрана бракованную технику. Кто знает? Я протяжно зевнула.

Меж тем в сумке закопошился Пыльник. Видать, почувствовал, что мы пришли на кладбище, где покоятся его собратья.

– Тихо-тихо, – пробормотала, ощущая, что горло уже не саднит, а конкретно дерёт. – Я тебя не выкину. Просто переночуем здесь, а ты будешь моей подушкой. Идёт?

Видимо, у пылесоса кончился заряд батареи, потому что он затих и перестал дёргаться. Удовлетворённо кивнула и заозиралась в поисках места, где могла бы прилечь. Взгляд наткнулся на порванную картонку из-под телевизора с характерными пламенно-оранжевыми значками: «Осторожно: хрупкое». Подтащила её поближе к площадке для приёма крупногабаритного транспорта да так и рухнула, сунув под голову сумку с пыльником и легинсами. Последние, к слову, несколько смягчили мою импровизированную подушку и примирили меня с действительностью.

– Всё, Пыльник. Завтра прилетит большой красивый корабль и заберёт нас отсюда, – пробормотала, засыпая. – Не знаю, кто там нужен в пограничном филиале Академии, но обещаю, что соглашусь даже на должность уборщицы. Будем вместе заниматься поддержанием порядка. Ты – загрязнять пол, а я его чистить.

Физическая усталость, нарастающий жар и эмоциональные переживания – всё это заставило вконец измождённый

организм просто и незатейливо отключиться.

Голова раскалывалась, страшно хотелось пить, но ещё больше – спать. Безумно раздражали какие-то яркие огни, нет-нет да и вспыхивающие над моей головой, чьи-то крики. «Обезвоживание», «Куда смотрели?», «Зачем нам бомж на корабле?»

Последний вопрос искренне возмутил меня. Даже набралась сил и пробормотала:

– Я не бомж, меня сюда пригласили. И Пыльника не трогайте. Он мне нужен, чтобы пачкать ваши полы.

Что было дальше, не помню, потому что меня наконец прекратили тормошить и светить фонариками в лицо. И я вновь провалилась в желанный сон, натянув на себя взявшееся из ниоткуда одеяло.

В следующий раз проснулась оттого, что кто-то бесцеремонно трогал мои ноги. Наверное, из всех возможных способов разбудить меня это единственный, благодаря которому я мгновенно просыпаюсь. Терпеть не могу, когда кто-нибудь прикасается к моим щиколоткам. Где-то в глубине моего сердца всегда обитал страх, что тот, кто меня будит, проведёт рукой выше, обнаружит неровную кожу на голени и выведает мой ужасный секрет.

Не задумываясь, резко дёрнула ступнёй, выпутываясь из чьих-то ладоней. Тут же тупая боль пронзила мизинец, а на уши обрушилось возмущённое тарыхтение на непонятном

языке.

– Чего?!

Распахнула ресницы и изумлённо уставилась на парня с лазурной кожей, пухлыми губами и пронзительными си-не-зелёными глазами, напоминающими бездонный океан. Лёгкие, чуть вьющиеся волосы хаотичными вихрами торчали в разные стороны и отливали лиловым. Если б встретила такой странный цвет у кого-либо на Захране, сразу подумала бы, что его обладатель просто красит волосы цветными расчёсками с мелками. Но именно этому молодому человеку его шевелюра шла настолько, что я бы сказала – передо мной натурал. Не в плане ориентации, а в смысле родного цвета волосяного покрова головы.

Миттар – а это определённо был он – с негодованием растирал ушибленное место на груди, продолжая о чём-то сокрушаться на своём странном языке – кстати, если вслушаться, весьма тягучем и мелодичном.

– Тьфу на тебя, да ты ни слова не понимаешь! – наконец выдохнуло на межгалактическом это голубое чудо. – На, лучше выпей воды.

Машинально взяла протянутую бутылку, отхлебнула из неё и покивала:

– Ну да, не понимаю. А что, должна?

Оглянулась вокруг. Небольшая светлая комната, лежу в центре, на каком-то высоком столе, в сгиб локтя вставлен катетер, куда подаются жидкости из разноцветных пакетов

в манипуляторах медбота. Персиковая, изумрудная, васильковая. Они причудливо смешиваются перед тем, как поступить в кровь. В помещении также находились несколько столов, уставленных неизвестными приборами, многочисленными дисплеями, странными андроидами, отдалённо напоминающими гигантских пауков, и пробирками. И хотя у меня не было в глазах встроенного микроскопа, я почувствовала, что всё сверкает эдакой стерильной чистотой, когда каждый микроб учтён и не прорвётся никуда без специального разрешения. Поёжилась, решившись бросить взгляд на ноги. К счастью, они были спрятаны под штанинами.

– Да я только подошёл к тебе покрывало поправить, а ты сразу лягаться... У тебя там точно не копыта? – недовольно пробурчал парень, хотя мне показалось, что недовольство это больше напускное. Ну никак оно не вязалось со взлохмаченной причёской и озорными искорками в глазах незнакомца. – Вообще-то стыдно не знать родной язык! Так, погоди, сейчас от проводов освобожу. Меня, кстати, Майк зовут. Майк Бруно, кадет первого курса Академии Космиче...

– Родной язык? – Перехватила руку миттара, который как раз намеревался вытащить из меня катетер, и посмотрела в глаза цвета морской волны. – Ты это сейчас о чём?!

– Ну... – Взгляд юноши тут же заметался по палате, почему-то несколько раз остановившись на пакете с остатками васильковой жидкости, которая всё ещё питала меня. – Да я так сказал... просто... – Он поднял вторую руку и запу-

стил пальцы в волосы. – Ты на четверть миттарка. Неужели не знала?

– В смысле миттарка? – уточнила севшим голосом.

В голове вдруг пронеслась вся моя жизнь на Захране, вспомнились обидные слова мачехи про уродство... Вселенная! Выходит, я даже не человек!

– Ну я, например, чистокровный миттар. – Майк выпятил грудь и ткнул в себя пальцем. – Двойная система дыхания, потрясающая выносливость, аналитический склад ума...

– Стоп-стоп-стоп, – оборвала собеседника. – Я не очень понимаю, как могу быть даже на четверть миттаркой...

– Да что тут понимать! Либо бабушка, либо дедушка у тебя родом с Миттарии, – благодушно просветил меня новый знакомый, широко улыбаясь при этом.

Замечательно. А то я сама не догадалась бы.

– Да не в этом дело! Я же с Захрана! А он кучу лет был закрытой планетой! – воскликнула нетерпеливо. – Ошибки быть не может?

Майк вновь посмотрел на проводки, в которых застыли капли трёх разноцветных жидкостей, затем куда-то на дисплей позади меня, тяжело вздохнул и ответил:

– Нет, никакой ошибки быть не может. Ты на четверть миттарка, и тебе сейчас помогла вытяжка из водорослей, а также лекарство на основе солёной воды из Большого океана. Если бы в тебе не было крови нашей расы, это назначение не сработало бы. Ты трое суток провалялась в горячечном бре-

ду, от обычных человеческих препаратов становилось только хуже. По документам ты захухря, и было непонятно, почему ничего не помогает. Дед психанул, взял у тебя кровь сразу на всё подряд, от тухлянки до личинок мозгочервей, и заодно общий генетический анализ провёл.

В горячечном бреду? Я? Трое суток?! Если б сейчас не сидела, точно осела бы от шока.

Незаметная доселе дверь у дальней стены открылась, и в помещение вошёл ещё один миттар, точь-в-точь как тот, что стоял передо мной, только существенно старше. Высокий мужчина в стандартном белом халате доктора поверх серого комбинезона тепло улыбнулся мне, а затем перевёл взгляд на молодого ассистента и нахмурился.

– Майк, это что такое? Почему катетер до сих пор не снят? Больная уже очнулась, а игла ещё в вене. Ничего тебе доверить нельзя!

– Ну де-е-едушка Нейт...

– Не дедкай мне тут! Ты хотя бы спросил пациентку, как она себя чувствует? Сатурацию крови проверил? Почему бутылка с водой до сих пор не выпита?

Два мужских взгляда скрестились на бутылке, опустошённой в лучшем случае на треть, и мне стало неловко.

– Это не малолитражка! – возмущённо заявил Майк.

– Сам ты малолитражка! Брысь отсюда, раз толком не можешь помочь.

– Дед, она не знала...

– Брысь, я сказал!

Майк демонстративно поджал губы, бросил на родственника недовольный взгляд и направился к выходу. Остановившись на секунду перед отъехавшей в сторону дверью, он обернулся, заговорщически мне подмигнул и прошептал одними губами: «Я вернусь!» После чего молниеносно испарился из помещения. Я перевела растерянный взгляд на дoka. Тот проворно отсоединил меня от капельницы, снял катетер, ловко заклеил пластырем руку, затем посветил фонариком мне в глаза, пощупал шею, снял показания с ближайшего дисплея и задумался.

– Всё нормально? – робко поинтересовалась я.

– А? – Мужчина отвлёкся от рассматривания диаграмм с какими-то непонятными иероглифами. – Ты пей-пей, деточка, тебе это необходимо.

Ну я и отхлебнула ещё воды. Только сейчас, оставшись один на один со своими ощущениями, распробовала содержимое бутылки и чуть не застонала от удовольствия. Никогда бы не подумала, что простая вода может быть настолько вкусной! Даже вкуснее, чем та, которой меня угощал командор! Кажется, последнее я сказала вслух, потому что док неожиданно усмехнулся и ответил:

– Миттарская вода самая вкусная во всей Вселенной. Чем бы тебя ни угощал уважаемый командор Галактион Грешх-ан, жидкость с родной планеты всегда ближе организму и по составу, и по реакции вкусовых рецепторов.

– Как-как? – Я даже закашлялась. – Галактион?

– Ну да! Имя красивое, звёздное. Правда, прослужив в космосе не один десяток лет, командор по-прежнему не открывает своё имя девушкам. Стесняется. Глупо, я считаю. Здесь мы, прежде всего, офицеры Космофлота, а уже потом ларки, миттары, люди...

– Понятно, – произнесла, не зная, что ещё сказать. – А вы?

– Ох, и я туда же! Голова моя дырявая... – Миттар запустил пальцы в волосы, в точности как это несколько минут назад сделал его внук. – Разрешите представиться: старший медик Нейт Бруно. Лечу кадетов и офицерский состав как на транспортных лайнерах, так и в филиале Академии на Юнисии.

– Юнисия... – повторила, пробуя слово на вкус. Встречалось ли мне название этой планеты когда-либо раньше? Нет, вроде бы не слышала о такой. Интересно, где она вообще находится?

– Это рукав сектора номер восемь, система Соло, пятая планета от звезды, – со вздохом пояснил миттар, правильно интерпретировав мою задумчивость. – Планета небольшая, но вполне приличная. Класс жизнепригодности – мезопланета. В общем-то, ничего необычного, но есть свои недостатки: частые магнитные бури и большой разброс в плотности элементов верхнего слоя коры. Впрочем, прилетим – сама всё узнаешь. Ты же теперь кадет – пусть и пограничного, но филиала Академии Космического Флота!

– Кадет? Я точно кадет? В смысле, меня приняли? – Взволнованно заёрзала, услышав потрясающую для себя новость. Командор тогда очень тонко намекнул, что я не подхожу им, да и майор не сказать чтобы очень рада была такой абитуриентке...

Признаться, мне до сих пор не верилось, что я нахожусь на борту корабля Космофлота. А вдруг это мираж? Вдруг я сейчас в горячечном бреде валяюсь на помойке Захрана, а Пыльник тихонечко гудит мне в ухо?

– Точно-точно, – по-доброму улыбнулся Нейт. – Командор Галактион Грешх-ан, как увидел тебя спящей на какой-то картонке, тут же отдал приказ погрузить бездыханное юное тело на борт и всем объявил, что ты отныне – кадет Академии. Адмиралов на Юнисию не водится, командор как старший по званию фактически уже много лет исполняет обязанности ректора филиала. Планшет с договором на столе, рядом с тобой. Когда будешь чувствовать себя лучше, изучи и поставь подпись. Хотя, конечно, в твоём случае это больше формальность, так как даже если ты вдруг передумаешь, ближайший запланированный рейс с Юнисию на Захран только через полгода.

Мысли в голове метались и сталкивались, как молекулы при броуновском движении. Командор такое сказал?! Да ведь он сам был против! Конечно, если я провела трое суток в беспамятстве, то лайнер уже, наверное, далеко отлетел от Захрана. Возвращаться, чтобы высадить меня, – слишком

дорогостоящее предприятие... Но кадет?!

– Ты там что-то про уборку бормотала и про свой пылесос, пока металась в бреду. Вцепилась в железяку обеими руками и не отпускала, – продолжал Нейт. – С трудом удалось освободить робота. Не думаю, что он пригодится тебе на Юнисии, но я его тоже положил на стол.

– Ничего не понимаю... – пробормотала растерянно. – Я думала, это майор Клинтс всё устроила...

– Майор Клинтс? – Мужчина сделал задумчивое лицо. – Нет, она не может. Окончательное решение всегда остаётся за командором.

«Вот оно как... Выходит, это было проверкой на наличие того самого внутреннего стержня. Приду или испугаюсь, – подумала про себя с усмешкой. – Умно. Если б не пришла, то, получается, сама же и отказалась».

– Скажите, док... – Помялась было, но решила, что вопрос всё же необходимо озвучить, просто чтобы окончательно расставить все точки над рунами. – А правда, что кадетов порой распределяют на практику в опасные уголки Вселенной? Ну, где можно погибнуть?

Миттар задумчиво почесал шею.

– Ох, я всего лишь лекарь, точно сказать не могу. С Юнисии редко кого отправляют на другие планеты – перелёты финансово накладны, а сама планета уже давно зачищена и относительно безопасна. Насколько мне известно, кадетов одних в путешествие по космосу не отпускают, их всегда со-

проводят офицеры, причём из старшего состава, они и несут ответственность за молодое пополнение. Я даже слышал, что адмиралы могут выбрать себе тех, над кем готовы осуществлять непосредственное руководство, к тому же у них часто адъютанты имеются, тоже со званием. Но это всё, скорее, основного филиала касается. Те, кто попадает на Юнисию, остаются там, считай, все десять лет учёбы. Если повезёт и будет лайнер, курсанты могут слетать в увольнительную, то есть на отдых. О практике речи не идёт. А с чего вдруг такой странный вопрос?

«Понятно. Значит, это тоже была проверка, которую я чудом прошла на одном лишь упрямстве и благодаря поразившей меня лихорадке. Ведь не сморило бы меня мёртвым сном на той самой свалке, ещё сдуру передумала бы да и вернулась к Гардении...»

– Да так, ни с чего, – пожала плечами и улыбнулась. – Просто интересно. А долго ещё лететь?

Док подошёл к ближайшей стене и нажал на невидимые кнопки. Что-то щёлкнуло, затрещало, а затем стена вдруг сделалась совершенно прозрачной, являя взору бархатную чёрную бездонность с россыпью маленьких разноцветных светлячков-звёзд. Некоторые мерцали скромным бело-голубым светом, другие заливали пространство вокруг себя багрово-алым пожаром. Где-то светила скапливались плотнее, и вокруг них образовывался плотный, напоминающий густую молочную пену белёсый туман, а где-то, наоборот, царила

пугающе сосущая пустота, один взгляд на которую вызывал рой мурашек по коже.

Как должны выглядеть звёзды, знала по старинным голофильмам и снимкам со спутников, что находила в планетарной инфосети, но впервые в своей жизни увидела небесные тела безо всякой аппаратуры и не смогла сдержать восторженного вздоха.

– Как красиво!

– Да, деточка, это космос. А мы летим во-о-он туда. – Он постучал пальцем в иллюминатор, показывая на маленькую аквамариновую точку. – Кажется, что она далеко, но мы мчимся на шестой космической. Думаю, суток через двое уже будем на месте. А пока тебе надо как можно больше отдыхать. Обезвоживание для миттаров страшнее открытых ран... Ох, не представляю, как ты, Вивьен, выживала на Захране! Там же такая отвратительная вода! Просто удивительно, что всё обошлось достаточно благополучно...

Глава 5. Джакузи

Нейт разрешил подключиться к инфосети корабля, объяснил, как заказывать через панель управления еду и воду, и показал, где находится огромная ванна, которую, по его мнению, мне желательно было принимать утром и вечером, чтобы быстрее поправиться. Перед уходом он сообщил, что зайдёт проверить моё состояние через сутки, но в случае ухудшения самочувствия я всегда могу вызвать по коммуникатору его самого или его внука, который учится на фельдшера. Признаться, я была тронута такой заботой. Ещё никогда в жизни никто не интересовался моим здоровьем.

Первым делом вцепилась в планшет с документами и три раза перечитала договор с Академией Космического Флота. Да, действительно, Вивьен Виардо взяли в качестве кадета, а не уборщицы. И даже подпись со стороны «исполняющего обязанности ректора филиала на Юнисии» стояла. Размашистая такая, красивая, чёткая. С острыми палочками, стремящимися ввысь хвостиками и очень мягкой, почти округлой буквой «ш» в слове «Грешх-ан».

В договоре не было ни слова про мою опекуницу; имя значилось только моё, как и дата рождения и номер идентификационного документа. Отдельным пунктом шла информация об открытии депозитного счёта в Межгалактическом Банке на моё имя. Причём формально счёт принадлежал

Космофлоту, это тоже было указано отдельно, но организация могла лишь пополнять или замораживать баланс, а вот право снимать валюту и выпускать чипы оставалось исключительно за мной. И снова никаких уточнений про опекунов. Мне, разумеется, это было только на руку, ведь при таком раскладе Гардения, даже если и узнает про стипендию от Космофлота, ничего не сможет сделать с моими кредитами.

Прошлась по тексту договора и убедилась, что дата рождения стоит настоящая. Странно... До сих пор казалось, что в Академию берут с двадцати одного года. Но если меня взяли, кто я такая, чтобы спорить? Поэтому пожала плечами и поставила подпись в нужной графе.

Затем осмотрела Пыльника. Ночёвка на свалке, в отличие от меня, совершенно не отразилась на состоянии его здоровья. Более того, кто-то даже заботливо зарядил аккумулятор старенького пылесоса, в результате чего тот радостно закружил по полу каюты, как только я сняла его с откидного прикроватного столика.

Обед в каюту принёс местный дроид – идеально в два часа дня по бортовому времени. Очень вкусный суп с лапшой, пышная хрустящая булочка и – что меня потрясло буквально до глубины души – салат из свежих огурцов, розовой редиски, тёмно-бордовых помидоров размером с черешню и смешных жёлтеньких шариков в сиреневую крапинку. На Захране овощи и фрукты могут себе позволить немногие, потому что, в отличие от той же пшеницы, на полив яблони

уходит гораздо больше очищенной воды, да и степень очистки должна быть выше. В противном случае плоды концентрируют в себе пестициды и прочую гадость, горечь от которой производители никак не могут заглушить искусственными стабилизаторами и пищевыми добавками. Одно дело – примешать подсластитель к каше или пюре и хорошенечко взболтать эту смесь, а другое – вдумчиво, аккуратно и равномерно обколоть целое яблоко или, к примеру, грушу.

Я залезла в инфосеть лайнера и на несколько часов выпала из реальности, изучая всю доступную информацию об Академии. В голове сумбурным клубком сплелась целая куча сведений: об основных направлениях учёбы, которые выбирают кадеты, изучаемых ими дисциплинах, количестве увольнительных, сессиях, датах, именах и званиях. Правда, всё, что нашлось в инфосети, относилось, скорее, к главному филиалу. Конкретно про Юнисию имелось лишь короткое упоминание: мол, это самый маленький дочерний отдел в восьмом секторе и учится в нём всего пара сотен студентов. Так зачиталась, что машинально съела обед, даже не почувствовав его вкуса. Утолила голод – и ладно. Поняла, что надо отложить коммуникатор и устроить передышку, лишь тогда, когда глаза зачесались от усталости.

Удивительно, но помимо общего утомления я не чувствовала себя больной. Видимо, Нейт Бруно отличный док, раз так быстро поставил меня на ноги... Сделала над собой усилие, оторвалась от экрана коммуникатора и отправи-

лась принимать ванну. Шикарное белоснежное джакузи на несколько секунд ввергло меня в самый настоящий ступор.

Квартиры на Захране, за исключением богатых районов, оснащались простенькими душами, а иногда застройщики и вовсе обходились рукомойниками. Как получится, так и мойся. При этом вода из-под крана текла очень вялой прохладной струйкой, а периодически и вовсе отвратительно пахла сероводородом. Мачеха всегда считала каждую потраченную каплю и устраивала мне нагоняй, если счётчики после мытья показывали чуть больше трёх делений. Тут же – в космосе, на корабле! – из крана с широким сливом неожиданно хлынул целый водопад лазурной жидкости. Сердце затрепетало легко и восторженно, когда я подставила руку под тёплые струи. Вода! Невообразимо много чистой воды!

Моментально скинула с себя одежду и забралась в маленький бассейн. Потыкала какие-то кнопки на дисплее, всё забурлило, сбоку выехал кран, который ещё и пустил порцию благоухающей пены. Минут пять с удивлением рассматривала мыльные пузыри, а затем что-то дёрнуло меня набрать в лёгкие побольше воздуха и нырнуть под воду. Я не считала, сколько времени провела под водой, но когда вынырнула, дверь в ванную комнату оказалась открытой, а на пороге стоял молодой ассистент доктора со стопкой одежды в руках. О его ноги, мигая всеми диодами, бездумно бился Пыльник. – Майк! Что ты здесь делаешь?! – воскликнула возмущённо, мигом подтянула ноги и окружила себя более плотным

слоем пены. Правда, любая девушка на моём месте в первую очередь, наверно, постаралась бы прикрыть грудь, а моим невольным порывом стало спрятать ноги. К счастью, над белыми хлопьями торчали лишь острые коленки.

– Принёс тебе казённую форму, обувь и коммуникатор, – не моргнув глазом сообщил бесцеремонный миттар. При этом его физиономия расплылась в такой проказливой улыбке, что по сиянию парень стал походить на голубую звезду-гигант.

Старательно потрясла головой, чтобы укрыть рассыпавшимися волосами плечи, и сердито прошипела:

– А почему именно *сюда*?! Вещи вполне можно было оставить на кровати! Какого шварха явился в санузел?!

– Так тебя же не было в жилой комнате, – пожал плечами юноша и добавил, придавая лицу невинное выражение: – А эта дверь была открыта. Я тебя звал-звал, но ты не откликалась, вот и подумал: а вдруг тебе плохо! Вдруг помощь нужна? Ещё этот странный робот кружил по комнате, мигая лампочками. Обычно так медботы зовут врачей, когда пациенту становится хуже.

При этом нахально-заинтересованный взгляд ярко-синих глаз прямо-таки скользил по воде, ощупывая мои ключицу и шею. За то время, что я ныряла, пена заметно осела и обзору молодого человека представилось несколько больше обнажённой кожи, чем я привыкла демонстрировать. Нет, всё было в рамках приличий, но я всегда стеснялась своего те-

ла... Поэтому подчёркнуто медленно подняла руку и нажала на датчик, отвечающий за подачу мыла. Почти мгновенно из тонкого алюминиевого носика полилась густая белая жидкость. Лицо Майка тут же обиженно вытянулось, а пухлая нижняя губа смешно оттопырилась.

– Ну, во-о-от... Всегда подозревал, что джакузи – это надувательство чистой воды!

Громко фыркнула. Вот же шут гороховый! Завалился к девушке в санузел, да ещё и сетует, что мало что увидел! Выражение лица молодого миттара на самом деле позабавило меня, но я придала своему голосу побольше напускной строгости:

– Послушай, тебя разве не учили, что невежливо врываться в санузел, где принимает душ или ванну особа противоположного пола?! Что касается пылесоса, то он просто сломанный. Не обращай внимания.

Миттар театрально закатил глаза, приставив ладонь ко лбу, и нарочито громко посетовал:

– Так я же не как парень ворвался, а как начинающий фельдшер, внук дока! Можешь считать, что в данной ситуации перед тобой существо бесполое! Да уж... О ней тут, понимаете ли, заботятся, передачку вот принесли, а она, оказывается, вон какая чёрствая!

Будущий медик демонстративно шумно сгрузил внушительную стопку одежды и каких-то пакетов на ближайший низкий круглый пуф и повернулся боком, гордо вскинув под-

бородок.

Рассмеялась искренне.

– Не знаю, как на Миттарии, а на Захране передачками называются посылки в тюрьмы. Надеюсь, я здесь не заключённая.

Майк хитро улыбнулся и сощурил глаза:

– А на Миттарии, между прочим, вообще нет тюрем!

Как ни хотелось поскорее выпроводить наглеца, информация об отсутствии тюрем на планете не могла не заинтересовать меня. Слово за слово, и я узнала, что в большинстве миров Федерации нет постоянных мест заключения, а действительно опасных преступников отправляют на далёкие астероиды добывать ценные металлы или утилизировать мусор. Хохотнула, сообщив, что ещё пять лет назад Захран не сильно отличался от подобных тюрем. Юноша решил поспорить со мной в остроумии и привёл интересные факты из жизни заключённых: про состав атмосферы, питание и норму часов трудового дня. Выходило всё-таки, что отбывать наказание в шахтах на астероидах существенно хуже, чем прозябать на моей родной планете даже во времена пятилетней давности.

Бруно-младший оказался приятным собеседником, особенно когда мы говорили о космосе. В какой-то момент в беседе вдруг наступила пауза. За это время я несколько раз добавляла горячую воду и пену, но уже чувствовала, что мне хватит и пора заканчивать с омовением. Однако как вежли-

во попросить гостя покинуть каюту – не знала. Не вылезать же из воды при нём? Молодой человек загадочным образом уловил моё невысказанное желание, а потому громко кашлянул в кулак и торжественно заявил:

– Кстати, а ещё миттары умеют предсказывать будущее!

– Прости, что? – После вполне серьёзного обсуждения проблем межзвёздного пространства и особенностей государственного строя на Миттарии я совершенно забыла о том, что конкретно данный гуманоид любит пошутить.

– По звёздам, – с каменным лицом заявил Майк. – Вот, смотри, если ты намочила голову, то я предсказываю, что тебе её придётся долго сушить. Если ты относишься к оптимистам, то нам осталось лететь всего пару суток. Если по психотипу ты пессимист, то тебя ждут ещё десятки часов заточения на корабле. Если тебе всё равно... то лететь всё равно несколько дней!

На секунду я замерла с открытым ртом. Нет, ну какой же балагур! Пришлось сделать вид, что зачерпываю пену, чтобы кинуть её в бессовестного миттара. Тот с нарочито громким криком: «На помощь! Совершено злостное нападение на кадета Академии Космофлота!» – бросился вон из ванной комнаты. Ну и отлично. Теперь можно выбираться на свободу.

Столь долгие водные процедуры действительно утомили меня. Схватила в охапку принесённые вещи, дала себе мысленный зарок разобрать их завтра и отправилась спать. Затолкав обновки в гардеробный шкаф, бросила взгляд на

отражение в зеркальной дверце. Что ж, я всё та же Ви-
вьен: небольшое лицо с острым подбородком, маленький
нос, бледная кожа, широко расставленные глаза невзрачного
серого цвета и такого же невнятного мышиного оттенка во-
лосы. Самая заурядная девушка. Разве такая может заинте-
ресовать кого-то?

– Ну, по крайней мере, можешь быть уверена, что в Ака-
демию тебя взяли не благодаря твоей внешности, – саркасти-
чески бросила своему отражению.

На этих словах зевнула и с размаху рухнула в кровать.
Утро вечера мудренее.

Глава 6. Соло

Ректор Юнисского филиала стоял в собственной каюте космического лайнера, заложив руки за спину, и смотрел в иллюминатор на крошечную звезду бледно-голубого оттенка. Между густых золотых бровей мужчины залегла глубокая морщина. Бортовой компьютер заботливо вывел на дополнительный виртуальный экран многократно увеличенное Соло. На экране танцевали чудовищные по своей мощи гейзеры раскалённого газа, закручиваясь длинными хлыстами. Они напоминали хвосты рассерженных скорпионов. Такие же изогнутые. Опасные. Непредсказуемые.

Дверь каюты мягко отъехала в сторону, и в помещение лёгкой походкой вошла по-мальчишески тоненькая, весьма миловидная, но, увы, далеко не юная женщина. Её блестящие, гладкие тёмные волосы были уложены в высокий тугой пучок, а синий китель Космического Флота сидел безупречно на стройной фигуре. За годы службы майор Мэралайн Клинтс научилась двигаться практически бесшумно, но знала, что командор, будучи ларком с врождённым острым слухом, её услышал. Медленно подойдя со спины, она встала напротив экрана, полностью скопировав позу старшего по званию.

– Протуберанцы? – спокойно спросила таноржка, рассматривая изображение Соло.

– Протуберанцы, – в тон ей промолвил командор.

Однако невозмутимый голос начальника не мог обмануть Мэралайн. Она слишком хорошо знала, что означают эти фонтаны газа, удерживаемые магнитным полем звезды. Порой Соло вело себя как обычное светило, а порой вот так. Женщина прочистила горло.

– Командор, я уверена, что капитан Келлан справится. Он уже много лет служит в Космофлоте и знает все особенности данной звезды. Вам не о чем волноваться.

Мужчина медленно кивнул, продолжая напряжённо думать о чём-то своём. Неожиданно коммуникатор на его запястье ожил, издав очень низкий щёлкающий звук: «Тиньк-треньк-треньк». Галактион нажал на кнопку «принять вызов». По центру каюты прямо из воздуха соткалась голограмма Нейта Бруно.

– Командор, прошу прощения, что отрываю вас от дел. Я тут в рубку зашёл. Так вот, первый пилот спрашивает, летим мы на Юнисию напрямую или всё-таки сделаем по пути ещё одну остановку, чтобы набрать кадетов на Миттари. Мне как медику этот вопрос принципиально важен. Если остановка будет, я попросил бы разрешения закупить некоторые лекарства...

Ларк отрицательно качнул головой, и крохотные разноцветные бусины в его волосах тихонько тренькнули.

– Нейт, я всё понимаю. Видел твои отчёты, лекарства действительно необходимы, но закупишь их в другой раз. Ты

сейчас нужен на Юнисию. Мы все там нужны.

Миттар нахмурился и поджал губы, отчего те стали практически белыми.

– Соло шалит?

Офицер кивнул.

– Шварх! Так и знал, что не стоило покидать Юнисию, – выругался док, а затем добавил ещё пару крепких ругательств, которые никак не вязались с образом добродушного пожилого медика – Три месяца затишье было... Как чувствовал!

Губы Мэралайн дрогнули в подобии улыбки, но она быстро вернула лицу серьёзное выражение и позволила себе вмешаться в разговор:

– Уважаемый док Бруно, вы всё-таки служите в Космофлоте и, значит, общаетесь с кадетами. Будьте добры не использовать в своей речи такие слова.

Миттар фыркнул.

– Поживёшь с моё – ещё не так будешь выражаться.

– Всё-таки Мэралайн права. Действительно не стоит, Нейт, – мягко возразил командор. – Что до твоего отлёта, то это был мой приказ. Мне нужна была помощь при осмотре абитуриентов и в настройке диагностического оборудования. Без тебя мы не справились бы. Ты отчаянно сопротивлялся командировке, тебя не в чем упрекнуть. А Дрэго замечательно подготовлен, у него всё получится.

– Сопротивлялся-сопротивлялся, а толку-то, – вздохнул

док и, не прощаясь, оборвал связь.

Голограмма миттара исчезла. Ларк приложил ладони к голове, чтобы помассировать гудящие виски. Майор Клинтс бросила сочувственный взгляд на мужчину. Под началом Галактиона Грешх-ана она проработала последние двадцать лет и очень уважала его и как старшего по званию офицера, и как личность. В целом, несмотря на различия в званиях, все офицеры пограничного филиала были одной большой семьей. Именно поэтому док позволил себе выругаться прямо в эфире и бесцеремонно оборвать разговор с непосредственным начальником. Именно поэтому таноржка позволила себе не по уставу прикоснуться к запястью командора и обратиться к офицеру по имени:

– Галактион, мы подобрали на Захране троих людей. До этого был ещё один на Цварге. Тесты показали, что все они физически подходят для Юнисии. Совсем скоро мы прибудем на планету... Всё будет хорошо.

– Хорошо никогда не будет, – покачал головой тот и аккуратно снял женскую ладонь со своей руки. Несмотря на то что Грешх-ан разрешал младшим офицерам входить в его каюту без стука и со многими общался на «ты», в некоторых аспектах он старался дистанцироваться от окружающих. И отношения с женским полом были одним из таких аспектов. – Мы не успеваем набирать кадетов. Слишком медленно, слишком мало. И даже те, которые есть, по факту подходят нам лишь физически и не имеют имплантов. Во-первых,

им ещё много лет учиться и учиться, а во-вторых, нет никаких гарантий, что они подойдут для учёбы в филиале морально и психологически. Не говорю уже о том, *захотят* ли они стать Хранителями. Мне уже много лет, док тоже немолод, у Велвела травма коленной чашечки... Совет адмиралов не верит в реальность угрозы. Говорит, что мы всегда решали проблему с Соло тем составом, который уже присутствует на Юниси, а следовательно, присылать к нам офицеров дополнительно они не собираются.

Майор Клинтс кивнула, невольно дотронувшись левой рукой до того места, где только что была ладонь командора. Ей показалось, что шершавая ткань мундира всё ещё хранит тепло прикосновения Галактиона. Таноржка до зубовного скрежета боролась со своим желанием крикнуть собеседнику: «Неправда! Ты ещё не стар! Мало кто из юных кадетов обладает столь внушительной мускулатурой, которую не скрыть под офицерским кителем. Я ещё не встречала мужчину, у которого так хорошо была бы развита интуиция. Не каждый адмирал из совета Космофлота мудр настолько, насколько бываешь ты, командир». Но она промолчала. Впрочем, как и всегда.

Глава 7. Кадеты

Вообще-то понятия «утро» и «вечер» в открытом космосе весьма и весьма условны. Главный бортовой компьютер синхронизирует время на всех электронных устройствах космического корабля, а также регулирует цветовую палитру освещения в каютах и коридорах. Утро начинается с трёх тысяч Кельвинов, дню соответствует классический нейтральный белый – от четырёх до четырёх с половиной тысяч, а ночью на корабле свет становится морковно-оранжевым – полторы-две тысячи.

Судя по характерному янтарному оттенку вмонтированных в стены светодиодов, проснулась я довольно рано. Долго смотрела в иллюминатор на звёзды, не в силах поверить в происходящее. Неужели все это взаправду? Ночью снились очень злая Гардения и расстроенная Хлоя. Они обвиняли меня в том, что я бросила их на Захране, и грозились вернуть звездолёт Космофлота обратно. Под конец сна мачеха, глядя мне в глаза, сообщила, что придёт время и я сама прилечу на родину и буду умолять своих единственных родственников дать мне крышу над головой. Тут её красивое лицо с тонкими, аристократическими чертами исказилось, превратилось в личину монстра, и я резко очнулась от этого кошмара. Возможно, именно из-за него у меня не возникло никакого желания посмотреться в зеркало. Чего я там не видела? Меш-

ков под глазами от недосыпа?

Наскоро приняв ванну, потянулась было к старой одежде, но тут вспомнила, что Майк вчера любезно снабдил меня целым ворохом обновок. Что ж, посмотрим, что там... К моему колоссальному удивлению, на двух полках в шкафу уместилось несколько пар тёмно-синих штанов, такого же глубокого оттенка китель с пятиконечной золотой звездой на груди и вышивкой на рукавах, плотные лосины, термобельё, обычное спортивное бельё, несколько футболок и даже спальный комплект из лёгких штанов и рубашки. Судя по этикеткам, вся одежда была пошита роботами, но при этом из хорошего добротного материала с натуральными и синтетическими нитями в соотношении два к одному. Никакого дешёвого пластика! Заворожённо перебирала вещь за вещью и не могла поверить в то, что у меня теперь будет свой собственный гардероб! Совершенно новый, подходящий мне по размеру! До сих пор донашивала одежду за сводной сестрой или самой Гарденией...

Казенный коммуникатор тоже оказался непохожим на мой собственный. Модель была существенно толще в той области, где располагалась микросхема, чуть грубее на вид, корпус обыкновенного чёрного цвета, но ремешок при этом – из натуральной мягчайшей кожи. Долго сомневалась, стоит ли заменить собственный коммуникатор на тот, что мне выдали, но окончательно решила выбрать новый наручный гаджет, когда увидела, что он как минимум втрое мощнее

и имеет улучшенную антенну связи. Что касается прежнего, он к этому моменту то и дело мигал иконками от старости и регулярно терял связь с инфосетью.

– Привет! Надеюсь, ты голодная, – с порога заявил Майк, неожиданно материализовавшись в моей комнате.

И вот я сижу за просторным столом в светлом помещении в компании пары ребят, четырёх симпатичных девушек и неизменного Майка. Оказалось, юношей, как и меня, подобрали на Захране. Демьян и Филат молча орудовали ложками, особенно налегая на кашу с мясом, и то и дело с подозрением оглядывались по сторонам, еле заметно вздрагивая, когда к ним кто-нибудь обращался. Я могла лишь посочувствовать соплеменникам. Понимала прекрасно, что если б не бесплатные завтраки и обеды в «Усладе», то, скорее всего, вела бы себя так же. Всё-таки Захран – далеко не самая благополучная планета, а с учётом того, что несколько веков она была отрезана слоем орбитального мусора от всей Федерации, Аппарат Управления Планетой вёл себя абсолютно безнаказанно и творил что хотел. Пропасть между богатым и бедным слоями населения была не просто огромной, она была непреодолимой.

Девушки весело щебетали, перебрасываясь ничего не значащими фразами с Майком. Сабрина и Элла оказались крепко сбитыми рыжеволосыми ларчанками с такими ручищами, которые и не снились большинству ребят на моей родной планете. Тунира – утончённой шестирукой пиксиянкой

с лвиной гривой светлых волос, тонкими ключицами и запястьями, а также пухлыми, порочными губами, форму которых подчёркивала соблазнительно алая помада. Синтия – судя по нежной, мерцающей лазурным блеском коже – была миттаркой. Как я поняла из разговоров, все, кроме Демьяна и Филата, уже как минимум год учились в Академии.

Тунира как раз разглагольствовала на тему того, что устала от однообразных картин Юнисии и хотела бы больше полетать в космосе, когда я краем глаза отметила, что в столовую зашёл цварг. Это был первый цварг, которого я видела живую, а потому несколько минут не могла заставить себя отвести от него взгляд. Достаточно субтильный юноша с чёрными волосами, собранными в короткий хвостик, подошёл к аппарату по выдаче пищи и завис, рассматривая блюда. С удивлением уставилась на блестящие витые рога цвета обсидиана. Необычно как... Интересно, какие они на ощупь?

– Так пока и не решила, на какие занятия ходить, – тем временем продолжала жаловаться на жизнь пиксиянка. Её речь лилась сплошным потоком. – Смотрела расписание: астрономию и навигацию у шаутбенахта Фропенко первыми парами поставили, а я не люблю вставать так рано. Симуляторы в зале подготовки к полётам почти все переломались ещё в прошлом году. Зуб даю, в ближайшем триместре офицеры заставят нас выходить на орбиту на каких-нибудь вшивеньких «Воробьях», а это же страшные перегрузки, бр-р-р!

– Не боишься, что капитан Келлан откажет тебе в пере-

сдаче? – насмешливо поинтересовалась Сабрина.

На последней фразе Майк восторгнулся и выдал очередную шутку:

– Юноша боится, что ему откажет девушка, настоящий мужчина – что ему откажет печень, а Тунире никто не отказывает!

Ларчанки переглянулись и понимающе усмехнулись, а вот пиксианка на миг скривилась, холёная кожа нежного личика и шеи пошла яркими, пунцовыми пятнами.

– А почему ты намерена выбирать, какие лекции и семинары посещать, а какие нет? – спросила я как бы между прочим, припоминая то, что успела прочесть об Академии. – Разве не все занятия обязательны? Или речь идёт о факультативах?

В это время цварг выбрал для себя внушительных размеров стейк с запечённым картофелем и простую воду, поставил всё на поднос и обернулся в поисках свободного места. Его взгляд прошёлся по всему помещению и остановился на столике, сиротливо приткнувшемся в дальнем углу за разграничителем пространства в виде стены из толстых полупрозрачных разноцветных блоков. В принципе, столовая была скорее пустая, чем заполненная народом, но по каким-то своим причинам юноша выбрал самый незаметный уголок.

Я вновь посмотрела на яркую шестирукую блондинку и поймала её снисходительную улыбку.

– Вивьен, расслабься. Ты теперь в Академии, и из-за ка-

ких-то там прогулов тебя уже не выгонят.

Эта фраза почему-то резанула слух. Нет, разумеется, изначально я действительно хотела покинуть Захран, только чтобы быть подальше от Гардении и беспросветного будущего, которое меня там ожидало, но, получив возможность учиться, пускай даже и в небольшом филиале где-то на краю света, не хотела упускать эту возможность. Кажется, начиная понимать, на что именно проверял меня командор.

– А как же экзамены? Рано или поздно надо будет сдавать эти предметы.

– Ох, да сдашь как-нибудь, не переживай. Если хотя бы недельку поучишь, всё равно будешь лучше, чем *другие*. А на Юнисии и так недобор кадетов, это тебе не главный филиал, так что не отчислят. Руководству же надо иметь хоть какое-то минимальное количество учащихся.

Майк неожиданно поднялся из-за стола.

– Пожалуй, приглашу новичка за наш стол. А то он там совсем один. – Юноша мотнул головой в сторону цварга.

Демьян и Филат одобрительно кивнули, девушки же никак не прокомментировали порыв миттара. Лишь когда Майк отошёл на приличное расстояние, Тунира вновь скривилась и произнесла:

– Ох, как же мне надоел этот дурак со своими примитивными шуточками!

Синтия поджала губы и молча уставилась в собственную тарелку, ларчанки безразлично пожали широкими плечами,

а я вдруг почувствовала нарастающее раздражение.

– Если тебе так неприятен Майк, то почему ты с ним общаешься? Вон больше половины столовой пусто, можешь сесть куда хочешь.

На хорошеньком личике пиксиянки отразилось неприкрытое удивление.

– Как это? Я не могу. Все *наши* должны быть вместе.

– Наши? – переспросила, сбитая с толку.

Это странное определение представлялось трудно применимым к разношёрстной компании, собравшейся за данным столом. У них же нет ничего общего: ни по половому признаку, ни по расовой принадлежности. К тому же, как успела понять, Тунира училась уже на втором или даже на третьем курсе, а значит, являлась «старичком», в то время как я и двое других захухрей – новобранцы.

– Ну да, наши, – в разговор всё-таки решила вмешаться Элла. – Майк тоже с нами, несмотря на то что он внук дока. Он всё-таки безобидный.

– Безобидный? – эхом отозвалась я, окончательно перестав понимать, что происходит. – В каком смысле?..

– Тш-ш-ш, – хором шикнули на меня девушки и разом обернулись на входную дверь.

Что ж, посмотреть действительно было на что. Пятеро красивейших парней, один другого круче, подошли к раздатчику еды. Синяя форма сидела на них как влитая, подчёркивая как бронзовый оттенок кожи, так и внушительные спи-

ны и крепкие длинные ноги. На груди у большинства сияли золотые звёзды, а у одного – златовласого – имелась небольшая вязь... Кажется, это младший офицер...

Один из компании шутливо толкнул последнего локтем под ребро, со смехом указывая на аппарат с едой, тот не остался в долгу и с лёгкостью заломил запястье приятелю. В их действиях не было подлинной агрессии. Пожалуй, так играют новорождённые волчата, пытаюсь выяснить, кто из них в будущем станет вожаком стаи. Тот, что начал потасовку, первым приложил кулак к груди, и его тут же отпустили, а я вдруг узнала в нём того самого ларка со стопкой голубых анкет. Тогда он был в простой гражданской одежде – достаточно широких спортивных штанах и футболке невзрачного серо-коричневого цвета, – а сейчас красовался в идеально отглаженной форме Космофлота. При нашей первой встрече кадет ещё жаловался, что какая-то девушка испачкала его китель мороженым...

Прищурившись, перевела взгляд на лейтенанта, пытаюсь понять, кого же он мне напоминает. Длинные золотые волосы, собранные в высокий хвост, сильная шея, ястребиный нос, упрямая линия губ. Достаточно резкие черты лица и крупный, слегка выступающий подбородок, который, однако, ничуть не портил его внешность. Скорее, наоборот, придавал облику кадета такую мужественность, если не сказать матёрость, которой обычно обладают лишь зрелые мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.